

З.Фрейд

Психология масс и анализ человеческого "Я"

I ВВЕДЕНИЕ

Противопоставление индивидуальной и социальной или массовой психологии, которая на первый взгляд может показаться столь значительной, многое из своей остроты при ближайшем рассмотрении теряет. Правда, психология личности исследует отдельного человека и те пути, которыми он стремится удовлетворить импульсы своих первичных позывов, но все же редко, только при определенных исключительных обстоятельствах, в состоянии она не принимать во внимание отношений этого отдельного человека к другим индивидам. В психической жизни человека всегда присутствует "другой". Он, как правило, является образцом, объектом, помощником или противником, и поэтому психология личности с самого начала является одновременно также и психологией социальной в этом расширенном, но вполне обоснованном смысле.

Отношение отдельного человека к его родителям, сестрам и братьям, к предмету его любви, к его учителю к его врачу, то есть все отношения, которые до сих пор были главным образом предметом психоаналитического исследования, имеют право считаться социальными феноменами и становятся тогда противопоставленными известным другим процессам, названным нами нарцисстическими, при которых удовлетворение первичных позывов от влияния других лиц уклоняется или отказывается. Итак, противопоставленность социальных и нарцисстических душевных процессов - Блейлер, может быть, сказал бы: аутистических - несомненно входит в область психологии личности и не может быть использована с целью отделить эту психологию от психологии социальной или массовой. В упомянутых отношениях к родителям, сестрам и братьям, к возлюбленной, к другу, учителю и к врачу отдельный человек встречается с влиянием всегда лишь одного лица или очень незначительного числа лиц, из которых каждое приобрело очень большое для него значение. Теперь - если речь идет о социальной или массовой психологии - эти отношения перестали принимать во внимание, выделяя как предмет особого исследования одновременное влияние на одного человека большого числа лиц, - с которыми он чем-то связан, хотя они во многом могут ему быть чужды. Таким образом, массовая психология рассматривает отдельного человека как члена племени, народа, касты, сословия, институции или как составную часть человеческой толпы, в известное время и для определенной цели организующейся в массу. Такой разрыв естественной связи породил тенденцию рассматривать явления, обнаруживающиеся в этих особых условиях, как выражение особого глубже необоснованного первичного позыва - социального первичного позыва - который в других ситуациях не проявляется. Мы, однако, возражаем, что нам трудно приписать численному моменту столь большое значение, что он один пробуждает в душевной жизни человека новый и в других случаях оставшийся в бездействии первичный позыв. Наши ожидания обращаются тем самым на две другие возможности: что социальный первичный позыв может быть не исконным и не неделимым, и что начала его образования могут быть найдены в кругу более тесном, как например, в семейном.

Массовая психология, - пусть только зарождающаяся, включает еще необозримое множество отдельных проблем и ставит перед исследователем бесчисленные, пока еще даже не систематизированные задачи. Одна только группировка различных форм образования масс и описание проявленных ими психических феноменов требуют усиленных наблюдений и умелого отображения и уже породили обильную литературу. Сравнивая эту небольшую работу со всем объемом задания, следует, конечно, учесть, что здесь могут быть обсуждены лишь немногие

пункты всего материала. Мы остановимся лишь на некоторых вопросах, особенно интересных для глубинного психоаналитического исследования.

II. ЛЕ БОН И ЕГО ХАРАКТЕРИСТИКА МАССОВОЙ ДУШИ

Думается, что более целесообразно начинать не с определения, а с указания на известную область явлений, а затем уже выделить из этой области несколько особенно явных и характерных фактов, с которых может начаться исследование. Чтобы выполнить эти условия, мы обращаемся к выдержкам из книги Ле Бона "Психология масс", по праву получившей широкую известность.

Уясним себе еще раз положение вещей; если бы психология, наблюдающая склонности и исходящие из первичных позывов импульсы, мотивы и намерения отдельного человека вплоть до его поступков и отношений к наиболее близким ему людям, полностью свою задачу разрешила и все эти взаимосвязи выяснила, то она внезапно оказалась бы перед новой неразрешенной задачей. Психологии пришлось бы объяснить тот поразительный факт, что этот ставший ей понятным индивид при определенном условии чувствует, думает и поступает совершенно иначе, чем можно было бы от него ожидать, и условием этим является его включение в человеческую толпу, приобретшую свойство "психологической массы". Но что же такое "масса", чем приобретает она способность так решительно влиять на душевную жизнь отдельного человека и в чем состоит душевное изменение, к которому она человека вынуждает?

Ответить на три эти вопроса - задача теоретической массовой психологии. Нам думается, что для разрешения задачи правильнее всего начать с третьего вопроса. Материал для массовой психологии дает наблюдение над измененной реакцией отдельного человека: ведь каждой попытке объяснения должно предшествовать описание того, что надлежит объяснить.

Я предоставляю слово самому Ле Бону. Он говорит: "В психологической массе самое странное следующее: какого бы рода ни были составляющие ее индивиды, какими схожими или несхожими ни были бы их образ жизни, занятие, их характер и степень интеллигентности, но одним только фактом своего превращения в массу они приобретают коллективную душу, в силу которой они совсем иначе чувствуют, думают и поступают, чем каждый из них в отдельности чувствовал, думал и поступал бы. Есть идеи и чувства, которые проявляются или превращаются в действие только у индивидов, соединенных в массы. Психологическая масса есть провизорное существо, которое состоит из гетерогенных элементов, на мгновение соединившихся, точно так же, как клетки организма своим соединением создают новое существо с качествами совсем иными, чем качества отдельных клеток".

Мы берем на себя смелость прервать здесь изложение Ле Бона замечанием: если индивиды в массе образуют единство, то должно существовать что-то, что их связывает, и этим связующим качеством могло бы быть именно то, что характерно для массы. Ле Бон, однако, на этот вопрос не отвечает; он обсуждает только изменение индивида в массе и описывает его в выражениях, которые вполне согласуются с основными предпосылками нашей глубинной психологии. "Легко установить степень различия между индивидом, принадлежащим к массе, и индивидом изолированным, менее легко вскрыть причины этого различия.

Чтобы хоть приблизительно найти эти причины, нужно прежде всего вспомнить факт, установленный современной психологией, а именно, что не в одной лишь жизни органической, но и в интеллектуальных функциях преобладающую роль играют бессознательные феномены. Сознательная умственная жизнь представляет собой лишь довольно незначительную часть бессознательной душевной жизни. Тончайший анализ, острейшее наблюдение способны обнаружить лишь малое количество сознательных мотивов душевной жизни. Наши

сознательные действия исходят из созданного в особенности влиянием наследственности бессознательного субстрата. Субстрат этот содержит в себе бесчисленные следы прародителей, следы, из которых создается расовая душа. За мотивами наших поступков, в которых мы признаемся, несомненно, существуют тайные причины, в которых мы не признаемся, а за ними есть еще более тайные, которых мы даже и не знаем. Большинство наших повседневных поступков есть лишь воздействие скрытых, незамечаемых нами мотивов".

В массе, по мнению Ле Бона, стираются индивидуальные достижения отдельных людей и, тем самым, исчезает их своеобразие. Расовое бессознательно проступает на первый план, гетерогенное тонет в гомогенном. Мы сказали бы, что сносится, обессиливается психическая надстройка, столь различно развитая у отдельных людей, и обнажается (приводится в действие) бессознательный фундамент, у всех одинаковый. Таким путем возник бы средний характер массовых индивидов. Ле Бон, однако, находит, что у этих индивидов наличествуют и новые качества, которыми они не обладали, и ищет причины этого в трех различных моментах.

"Первая из этих причин состоит в том, что в массе, в силу одного только факта своего множества, индивид испытывает чувство неодолимой мощи, позволяющее ему предаться первичным позывам, которые он, будучи одним, вынужден был бы обуздывать. Для обуздания их повода тем меньше, так как при анонимности, и тем самым, и безответственности масс, совершенно исчезает чувство ответственности, которое всегда индивида сдерживает".

Появлению новых качеств мы, с нашей точки зрения, придаем меньше значения. Для нас достаточным было бы сказать, что в массе индивид попадает в условия, разрешающие ему устранить вытеснение бессознательных первичных позывов. Эти якобы новые качества, которые он теперь обнаруживает, являются на самом деле как раз выявлением этого бессознательного, в котором ведь в зародыше заключено все зло человеческой души; угасание при этих условиях совести или чувства ответственности нашего понимания не затрудняет. Мы давно утверждали, что зерни так называемой совести - "социальный страх".

"Вторая причина - заражаемость - также способствует проявлению у масс специальных признаков и определению их направленности. Заражаемость есть легко констатируемый, но необъяснимый феномен, который следует причислить к феноменам гипнотического рода, к изучению каковых мы тут же приступим. В толпе заразительно каждое действие, каждое чувство, и при том в такой сильной степени, что индивид очень легко жертвует своим личным интересом в пользу интереса общества. Это - вполне противоположное его натуре свойство, на которое человек способен лишь в качестве составной части массы"

Эту последнюю фразу мы возьмем впоследствии как обоснование для предположения большой значимости.

"Третья и притом важнейшая причина обуславливает у объединенных в массу индивидов особые качества, совершенно противоположные качествам индивида изолированного. Я имею в виду внушаемость, причем упомянутая заражаемость является лишь ее последствием. Для понимания этого явления уместно восстановить в памяти новые открытия физиологии. Мы теперь знаем, что при почтении рJHoooptiJiibiK процедур человека можно привести в такое состояние, что он после потери всей своей сознательной личности повинуетея всем внушениям лица, лишившего его сознания своей личности, и что он совершает действия, самым резким образом противоречащие его характеру и навыкам И вот самые тщательные наблюдения показали, что индивид, находящийся в продолжение некоторого времени в лоне активной массы, впадает вскоре вследствие излучений, исходящих от нее, или по какой-либо другой неизвестной причине - в особое состояние, весьма близкое к "зачарованности", овладевающей загипнотизированным под влиянием гипнотизера. Сознательная личность совершенно утеряна,

воля и способность различения отсутствуют, все чувства и мысли ориентированы в направлении, указанном гипнотизером.

Таково, приблизительно, и состояние индивида, принадлежащего к психологической массе. Он больше не сознает своих действий. Как у человека под гипнозом, так и у него известные способности могут быть изъяты, а другие доведены до степени величайшей интенсивности. Под влиянием внушения он в непреодолимом порыве приступит к выполнению определенных действий. И это неистовство у масс еще непреодолимее, чем у загипнотизированного, ибо равное для всех индивидов внушение возрастает в силу взаимодействия.

"Следовательно, главные отличительные признаки находящегося в массе индивида таковы, исчезновение сознательной личности, преобладание бессознательной личности, ориентация мыслей и чувств в одном и том же направлении вследствие внушения и заряжения, тенденция к безотлагательному осуществлению внушенных идей. Индивид не является больше самим собой, он стал безвольным автоматом"

Я привел эту цитату так подробно, чтобы подтвердить, что Ле Бон действительно признает состояние индивида в массе состоянием гипнотическим, а не только его с таковым сравнивает. Мы не намереваемся противоречить, но хотим все же подчеркнуть, что последние две причины изменения отдельного человека в массе, а именно: заражаемость и повышенная внушаемость - очевидно, не однородны, так как ведь заражение тоже должно быть проявлением внушаемости. Нам кажется, что и воздействия обоих моментов у Ле Бона недостаточно четко разграничены. Может быть, мы лучше всего истолкуем его высказывания, если отнесем заражение к влиянию друг на друга отдельных членов массы, а явления внушения в массе, равные феноменам гипнотического влияния, - к другому источнику. Но к какому? Тут мы замечаем явный пробел: у Ле Бона не упоминается центральная фигура сравнения с гипнозом, а именно лицо, которое массе заменяет гипнотизера. Но он все же указывает на различие между этим не разъясненным "зачаровывающим" влиянием и тем заражающим воздействием, оказываемым друг на друга отдельными индивидами, благодаря которому усиливается первоначальное внушение.

Приведем еще одну важную точку зрения для суждения о массовом индивиде: - "Кроме того, одним лишь фактом своей принадлежности к организованной массе человек спускается на несколько ступеней ниже по лестнице цивилизации. Будучи единичным, он был, может быть, образованным индивидом, в массе он - варвар, то есть существо, обусловленное первичными позывами. Он обладает спонтанностью, порывистостью, дикостью, а также и энтузиазмом и героизмом примитивных существ". Затем Ле Бон особо останавливается на снижении интеллектуальных достижений, происходящем у человека при растворении его в массе'.

Оставим теперь отдельного человека и обратимся к описанию массовой души в изложении Ле Бона. В нем нет моментов, происхождение и классификация которых затруднила бы психоаналитика. Ле Бон указывает нам путь, подтверждая соответствие между душевной жизнью примитивного человека и ребенка.

Масса импульсивна, изменчива и возбуждима. Ею почти исключительно руководит бессознательное². Импульсы, которым повинуются масса, могут быть, смотря по обстоятельствам, благородными или жестокими, героическими или трусливыми, но во всех случаях они столь повелительны, что не дают проявляться не только личному интересу, но даже инстинкту самосохранения. Ничто у нее не бывает преднамеренным. Если она и страстно желает чего-нибудь, то всегда не надолго, она неспособна к постоянству воли. Она не выносит отсрочки между желанием и осуществлением желаемого. Она чувствует себя всемогущей, у индивида в массе исчезает понятие невозможного.

Масса легковерна и чрезвычайно легко поддается влиянию, она не критична, неправдоподобного для нее не существует. Она думает образами, порождающими друг друга ассоциативно, - как это бывает у отдельного человека, когда он свободно фантазирует, - не выверяющимися разумом на соответствие с действительностью. Чувства массы всегда просты и весьма гиперболичны. Масса, таким образом, не знает ни сомнений, ни неуверенности!

Масса немедленно доходит до крайности, высказанное подозрение сразу же превращается у нее в непоколебимую уверенность, зерно антипатии - в дикую ненависть.

Склонную ко всем крайностям массу и возбуждают тоже лишь чрезмерные раздражения. Тот, кто хочет на нее влиять, не нуждается в логической проверке своей аргументации, ему подобает живописать ярчайшими красками, преувеличивать и всегда повторять то же самое.

Так как масса в истинности или ложности чего-либо не сомневается и при этом сознает свою громадную силу, она столь же нетерпима, как и подвластна авторитету. Она уважает силу, добротой же, которая представляется ей всего лишь разновидностью слабости, руководствуется лишь в незначительной мере. От своего героя она требует силы, даже насилия. Она хочет, чтобы ею владели и ее подавляли, хочет бояться своего господина. Будучи в основе своей вполне консервативной, у нее глубокое отвращение ко всем новшествам и прогрессу и безграничное благоговение перед традицией.

Для правильного суждения о нравственности масс следует принять во внимание, что при совместном пребывании индивидов массы у них отпадают все индивидуальные тормозящие моменты и просыпаются для свободного удовлетворения первичных позывов все жестокие, грубые, разрушительные инстинкты, дремлющие в отдельной особи как пережитки первобытных времен. Но, под влиянием внушения, массы способны и на большое самоотречение, бескорыстие и преданность идеалу. В то время как у изолированного индивида едва ли не единственным побуждающим стимулом является личная польза, в массе этот стимул преобладает очень редко. Можно говорить о повышении нравственного уровня отдельного человека под воздействием массы. Хотя и интеллектуальные достижения массы всегда много ниже достижений отдельного человека, ее поведение может как намного превышать уровень индивида, так и намного ему уступать.

Некоторые другие черты в характеристике Ле Бона подтверждают право отождествить массовую душу с душой примитивного человека. У масс могут сосуществовать и согласоваться самые противоположные идеи, без того чтобы из их логического противоречия возник конфликт. То же самое мы находим в бессознательной душевной жизни отдельных людей, детей и невротиков, как это давно доказано психоанализом. Амбивалентные эмоциональные переживания маленького ребенка к близким ему людям могут долгое время сосуществовать, причем выражение одного из них не мешает выражению противоположного. Если, наконец, все же возникает конфликт, то он разрешается тем, что ребенок меняет объект и переносит одно из амбивалентных душевных движений на другое лицо. Из истории развития невроза у взрослого человека мы также можем узнать, что подавленное душевное переживание часто долгое время продолжает жить в бессознательных и даже сознательных фантазиях, содержание которых, конечно, прямо противоположно доминирующему стремлению, причем эта противоположность не вызывает, однако, активного противодействия "Я" к тому, что было им отброшено. Это "Я" часто довольно долго потворствует фантазии. Но затем внезапно, обычно вследствие повышения аффективного характера фантазии, конфликт между фантазией и "Я" разверзается со всеми своими последствиями".

Далее, масса подпадает под поистине магическую власть слов, которые способны вызывать в массовой душе страшнейшие бури или же эти бури укрощать. "Разумом и доказательствами

против определенных слов и формул борьбы не поведешь. Стоит их произнести с благоговением, как физиономии тотчас выражают почтение и головы склоняются. Многие усматривают в них стихийные силы или силы сверхъестественные. Вспомним только о табу имен у примитивных народов, о магических силах, которые заключаются для них в именах и словах. И наконец: массы никогда не знали жажды истины. Они требуют иллюзий, без которых они не могут жить. Ирреальное для них всегда имеет приоритет перед реальным, нереальное влияет на них почти так же сильно, как реальное. Массы имеют явную тенденцию не видеть между ними разницы. Это преобладание жизни фантазии, а также иллюзии, создаваемой не исполненным желанием, определяет, как мы утверждаем, психологию неврозов. Мы нашли, что для невротиков существенна не обычная объективная, а психическая реальность. Истерический симптом основывается на фантазии, а не на повторении действительного переживания, невротическая навязчивая идея сознания вины - на злом намерении, никогда не дошедшем до осуществления. Да, как во сне и под гипнозом, проверка на реальность в душевной деятельности массы отступает перед интенсивностью аффективных, порожденных желанием импульсов.

Мысли Ле Бона о вождях масс изложены менее исчерпывающим образом, и закономерности остаются недостаточно выясненными. Он думает, что как только живые существа собраны воедино в определенном числе, все равно, будь то стадо животных или человеческая толпа, они инстинктивно ставят себя под авторитет главы. Масса - послушное стадо, которое не в силах жить без господина. У нее такая жажда подчинения, что она инстинктивно подчиняется каждому, кто назовет себя ее властелином.

Хотя потребность массы идет вождю навстречу, он все же должен соответствовать этой потребности своими личными качествами. Он должен быть сам захвачен глубокой верой (в идею), чтобы пробудить эту веру в массе; он должен обладать сильной импонирующей волей, которую переймет от него безвольная масса. Далее Ле Бон обсуждает разновидности вождей и средства, которыми они влияют на массы. В общем, он считает, что вожди становятся влиятельными благодаря тем идеям, к которым сами они относятся фанатически.

Этим идеям, как и вождям, он приписывает помимо этого таинственную, неотразимую власть, называемую им "престижем". Престиж есть своего рода господство, которое возымел над ними индивид, деяние или идея. Оно парализует всю нашу способность к критике и исполняет нас удивлением и уважением. Оно вызывает очевидно, чувство, похожее на завороченность гипноза.

Ле Бон различает приобретенный или искусственный, и личный престиж. Первый, в случае людей, присваивается благодаря имени, богатству, репутации, в случае же воззрений, художественных произведениях и т. п. - посредством традиции. Так как во всех случаях это касается прошлого, то мало поможет пониманию этого загадочного влияния. Личным престижем обладают немногие люди, и благодаря ему они делаются вождями. Престиж подчиняет им всех и вся как бы под действием волшебных чар. Каждый престиж зависит однако от успеха и теряется после неудач. У нас нет впечатления, что роль вождей и ударение на престиж приведены у Ле Бона в надлежащее соответствие с блестяще им выполненной характеристикой массовой души.

III. ДРУГИЕ ОЦЕНКИ КОЛЛЕКТИВНОЙ ДУШЕВНОЙ ЖИЗНИ

Мы воспользовались данной Ле Боном характеристикой в качестве введения, так как она, в подчеркивании бессознательной душевной жизни, в столь большой мере совпадает со взглядами нашей собственной психологии. Но теперь нужно добавить, что, в сущности, ни одно утверждение этого автора не содержит ничего нового. Все, что он говорит отрицательного и дискредитирующего о проявлениях массовой души, так же определено и так же враждебно

говорили еще до него другие, и повторяется в том же духе с древнейших времен мыслителями, государственными деятелями и поэтами. Оба тезиса, содержащие наиболее важные взгляды Ле Бона, а именно - о торможении коллективом интеллектуальной деятельности и о повышении в массе аффективности - были незадолго до того сформулированы Зигеле. В сущности, лично Ле Бону принадлежит только его точка зрения на бессознательное и сравнение с душевной жизнью первобытных людей, но и на эту тему неоднократно высказывались до него и другие.

Более того: описание и оценка массовой души Ле Боном и другими весьма часто подвергались критике. Нет сомнения, что они правильно наблюдали все вышеописанные феномены массовой души, однако можно заметить и другие, как раз противоположно действующие проявления массообразования, приводящие нас к гораздо более высокой оценке массовой души.

Ведь и Ле Бон готов был признать, что нравственный облик массы в иных случаях бывает выше, чем нравственность составляющих ее индивидов, и что только совокупность людей способна к высокому бескорыстию и преданности.

"Личная выгода является едва ли не единственной побудительной причиной у изолированного индивида, однако у массы она преобладает весьма редко".

Другие заявляют, что, в сущности, только общество является тем, что предписывает человеку нормы его нравственности, отдельный же человек, как правило, от этих высоких требований каким-то образом отстает.: Еще и другое: при исключительных обстоятельствах в коллективности возникает энтузиазм, благодаря которому совершены замечательнейшие массовые подвиги.

Что касается интеллектуальных достижений, то все же продолжает оставаться неоспоримым, что великие решения мыслительной работы, чреватые последствиями открытия, и разрешение проблем возможны лишь отдельному человеку, трудящемуся в уединении. Но и массовая душа способна на гениальное духовное творчество, и это прежде всего доказывает сам язык, а также народная песня, фольклор и другое. И, кроме того, остается нерешенным, насколько мыслитель или поэт обязан стимулам, полученным им от массы, среди которой он живет, и не является ли он скорее завершителем душевной работы, в которой одновременно участвовали и другие.

Ввиду этой полной противоречивости может показаться, что работа массовой психологии не должна увенчиваться результатами. А между тем есть обнадеживающие моменты, которые нетрудно найти. Вероятно, в понятие "масс" были включены весьма различные образования, которые нуждаются в разграничении. Данные Зигеле, Ле Бона и другие относятся к массам недолговечного рода, т. е. к таким, которые быстро скучиваются из разнородных индивидов, объединяемых каким-нибудь преходящим интересом. Совершенно очевидно, что на работы этих авторов повлияли характеры революционных масс, особенно времен Великой французской революции. Противоположные утверждения исходят из оценки тех устойчивых масс или общественных образований, в которых люди живут, которые воплощаются в общественных учреждениях. Массы первого рода являются как бы надстройкой над массами второго рода, подобно кратким, но высоким морским волнам над длительной мертвой зыбью.

Мак Дугалл в своей книге исходит из этого вышеупомянутого противоречия и находит его разрешение в организационном моменте. В простейшем случае, - говорит он, - масса вообще не имеет никакой или почти никакой организации. Он называет такую массу толпой. Однако признает, что толпа людская едва ли может образоваться без того, чтобы в ней не появились хотя бы первые признаки организации, и что как раз у этих простейших масс особенно легко заметить некоторые основные факты коллективной психологии. Для того, чтобы из случайно

скупенных членов людской толпы образовалось нечто вроде массы в психологическом смысле, необходимо условие, чтобы эти отдельные единицы имели между собой что-нибудь общее: общий интерес к одному объекту, аналогичную при известной ситуации душевную направленность и, вследствие этого, известную степень способности влиять друг на друга. Чем сильнее это духовное единство, тем легче из отдельных людей образуется психологическая масса и тем более наглядны проявления "массовой души".

Самым удивительным и вместе с тем важным феноменом массы является повышение аффективности, вызванное в каждом отдельном ее члене. Можно сказать, по мнению Мак Дугалла, что аффекты человека едва ли дорастают до такой силы, как это бывает в массе, а, кроме того, для участников является наслаждением так безудержно предаваться своим страстям, при этом растворяясь в массе, теряя чувство своей индивидуальной обособленности. Мак Дугалл объясняет эту захваченность индивидов в общий поток особым, т. е. уже знакомым нам эмоциональным заражением. Факт тот, что наблюдаемые признаки состояния аффекта способны автоматически вызвать у наблюдателя тот же самый аффект. Это автоматическое принуждение тем сильнее, чем больше количество лиц, в которых одновременно наблюдается проявление того же аффекта. Тогда замолкает критическая способность личности, и человек отдается аффекту. Но при этом он повышает возбуждение у тех, кто на него повлияли, и таким образом аффективный заряд отдельных лиц повышается взаимной индукцией. При этом возникает несомненно нечто вроде вынужденности подражать другим, оставаться в созвучии с "множеством". У более грубых и элементарных чувств наибольшие перспективы распространяться в массе именно таким образом.

Этому механизму возрастания аффекта благоприятствуют и некоторые другие исходящие от массы влияния. Масса производит на отдельного человека впечатление неограниченной мощи и непреодолимой опасности. На мгновение она заменяет все человеческое общество, являющееся носителем авторитета, наказаний которого страшались и во имя которого себя столь ограничивали. Совершенно очевидна опасность массе противоречить, и можно себя обезопасить, следуя окружающему тебя примеру, то есть, иной раз даже "по волчьей воя". Слушаясь нового авторитета индивид может выключить свою прежнюю "совесть", предавшись при этом соблазну улады, безусловно испытываемой при отбрасывании торможения. Поэтому не столь уж удивительно, если мы наблюдаем человека, в массе совершающего или приветствующего действия, от которых он в своих привычных условиях отвернулся бы. Мы вправе надеяться, что благодаря этим наблюдениям рассеем тьму, обычно окутывающую загадочное слово "внушение".

Мак Дугалл не оспаривает тезиса о коллективном снижении интеллекта масс. Он говорит, что более незначительные интеллекты снижают более высокие до своего уровня. Деятельность последних затруднена, так как нарастание эффективности вообще создает неблагоприятные условия для правильной духовной работы; имеет влияние и то, что отдельный человек запуган массой и его мыслительная работа не свободна; а, кроме того, в массе понижается сознание ответственности отдельного человека за свои действия.

Окончательное суждение о психической деятельности простой "неорганизованной" массы у Мак Дугалла не более благосклонно, чем у Ле Бона. Такая масса крайне возбудима, импульсивна, страстна, неустойчива, непоследовательна и нерешительна и притом в своих действиях всегда готова к крайностям, ей доступны лишь более грубые страсти и более элементарные чувства, она чрезвычайно поддается внушению, рассуждает легкомысленно, опрометчива в суждениях и способна воспринимать лишь простейшие и наименее совершенные выводы и аргументы, массу легко направлять и легко ее потрясти, она лишена самосознания, самоуважения и чувства ответственности, но дает сознанию собственной мощи толкать ее на такие злодеяния, каких мы можем ожидать лишь от абсолютной и безответственной власти. Она

ведет себя скорее как невоспитанный ребенок или как оставшийся без надзора страстный дикарь, лопавший в чуждую для него обстановку; в худших слу-чаях ее поведение больше похоже на поведение стаи диких животных, чем на поведение человеческих существ.

Так как Мак Дугалл противопоставляет поведение высоко организованной массы описанному выше, нам будет чрезвычайно интересно, в чем же состоит эта организация и какими моментами она создается. Автор насчитывает пять таких "principal conditions" поднятие душевной жизни массы на более высокий уровень.

Первое основное условие - известная степень постоянства состава массы. Оно может быть материальным или формальным. Первый случай - если те же лица остаются в массе более продолжительное время, второй - если внутри самой массы создаются известные должности, на которые последовательно назначаются сменяющие друг друга лица. Второе условие в том, чтобы отдельный человек массы составил себе определенное представление о природе, функциях, достижениях и требованиях массы, чтобы таким образом у него создалось эмоциональное отношение к массе, как целому.

Третье - чтобы масса вступила в отношения с другими сходными, но во многих случаях и отличными от нее, массовыми образованиями, чтобы она даже соперничала с ними.

Четвертое - наличие в массе традиций, обычаев и установлении, особенно таких, которые касаются отношений членов массы между собой.

Пятое - наличие в массе подразделений, выражающихся в специализации и дифференциации работы каждого отдельного человека. Согласно Мак Дугаллу, осуществление этих условий устраняет психические дефекты образования массы. Защита против снижения коллективом достижений интеллигенции - в отстранении массы от решения интеллектуальных заданий и в передаче их отдельным лицам. Нам кажется, что условие, которое Мак Дугалл называет "организацией" массы, с большим основанием можно было бы описать иначе. Задача состоит в том, чтобы придать массе именно те качества, которые были характерны для отдельного индивида и были потушены у него при включении в массу. Ведь у индивида вне массы было свое постоянство и самосознание, свои традиции и привычки, своя рабочая производительность и свое место; он держался обособленно от других и с ними соперничал. Эти своеобразия он потерял на некоторое время своим включением в не "организованную" массу. Если признать целью развитие в массе качеств отдельного индивида, то невольно припоминается содержательное замечание В. Троттера, который в тенденции к образованию масс видит биологическое продолжение многоклеточности всех высших организмов.

IV. ВНУШЕНИЕ И ЛИБИДО

Мы исходили из основного факта, что в отдельном индивиде, находящемся в массе, под ее влиянием часто происходят глубокие изменения его душевной деятельности. Его аффективность чрезвычайно повышается, а его интеллектуальные достижения заметно понижаются, и оба процесса происходят, по-видимому, в направлении уравнивания себя с другими массовыми индивидами. Этот результат может быть достигнут лишь в том случае, если индивид перестанет тормозить свойственные ему первичные позывы и откажется от удовлетворения своих склонностей привычным для него образом. Мы слышали, что эти часто нежелательные последствия хотя бы частично могут быть устранены более высокой "организацией" массы, но это не опровергает основного факта массовой психологии - обоих тезисов о повышении аффектов и снижении мыслительной работы в примитивной массе. Нам интересно найти психологическое объяснение душевного изменения, происходящего в отдельном человеке под влиянием массы.

Рациональные моменты, как например, вышеупомянутая запутанность отдельного человека, т. е. действие его инстинкта самосохранения, очевидно, не покрывают наблюдаемых феноменов. Авторы по социологии и массовой психологии предлагают нам обычно в качестве объяснения одно и то же, хотя иногда под сменяющимися друг друга названиями, а именно: магическое слово "внушение". Тард назвал его "подражанием", но мы больше соглашаемся с автором, который поясняет, что подражание включено понятие внушения и представляет собой лишь его следствие. Ле Бон ясе непонятное в социальных явлениях относит к действию двух факторов: к взаимному внушению отдельных лиц и к престижа вождей. Но престиж опять-таки проявляется лишь в способности производить внушение. Следуя Мак Дугаллу, мы одно время думали, что его принцип "первичной индукции аффекта" делает излишним принятие факта внушения. Но при дальнейшем рассмотрении мы ведь должны убедиться, что этот принцип возвращает нас к уже известным понятиям "подражания" или "заражения", только с определенным подчеркиванием аффективного момента. Нет сомнения, что у нас имеется тенденция впасть в тот аффект, признаки которого мы замечаем в другом человеке, но как часто мы с успехом сопротивляемся этой тенденции, отвергаем аффект, как часто реагируем совсем противоположным образом? Так почему же мы как правило, поддаемся этому заражению в массе? Приходится опять-таки сказать, что это внушающее влияние массы; оно принуждает нас повиноваться тенденции подражания, оно индуцирует в нас аффект. Впрочем, читая Мак Дугалла, мы и вообще никак не можем обойтись без понятия внушения. И он, и другие повторяют, что массы отличаются особой внушаемостью.

Все вышесказанное подготавливает утверждение, что внушение (вернее, восприятие внушения) является далее неразложимым феноменом, основным фактом душевной жизни человека. Так считал и Бернгейм, изумительное искусство которого я имел случай наблюдать в 1889 г. Но и тогда я видел глухое сопротивление этой тирании внушения. Когда больной сопротивлялся и на него кричали: "Да что же вы делаете? Vous vous contresuggestionnez", то я говорил себе, что это явная несправедливость и насилие. Человек, конечно, имеет право на противовнушение, если его пытаются подчинить путем внушения. Мой протест принял затем форму возмущения против того, что внушение, которое все объясняет, само должно быть от объяснений отстранено. По поводу внушения я повторял давний шуточный вопрос:

*Христофор несет Христа,
А Христос - весь мир,
Скажи-ка, а куда
Утиралась Христофорова нога?*

Когда теперь, после почти тридцатилетнего перерыва, я снова обращаюсь к загадке внушения, то нахожу, что ничего тут не изменилось. Утверждая это, я ведь имею право не учитывать одно исключение, доказывающее как раз влияние психоанализа. Я вижу, что сейчас прилагают особые усилия, чтобы правильно сформулировать понятие внушения, т. е. общепринятое значение этого слова; это отнюдь не излишне, так как оно все чаще употребляется в расширенном значении и скоро будет обозначать любое влияние; в английском языке, напр., "to suggest, suggestion" соответствует нашему "настоятельно предлагать" и нашему "толчок к чему-нибудь". Но до сих пор не дано объяснения о сущности "внушения", т. е. о тех условиях, при которых влияние возникает без достаточных логических обоснований. Я мог бы подкрепить это утверждение анализом литературы за последние тридцать лет, но надобность в этом отпадает, так как мне стало известным, что готовится к изданию обширный труд, ставящий себе именно эту задачу.

Вместо этого я сделаю попытку применить для уяснения массовой психологии понятие либидо, которое сослужило нам такую службу при изучении психоневрозов.

Либи́до есть термин из области учения об аффективности. Мы называем так энергию тех первичных позывов, которые имеют дело со всем тем, что можно обобщить понятием любви. Мы представляем себе эту энергию как количественную величину, - хотя в настоящее время еще неизмеримую. Суть того, что мы называем любовью, есть, конечно, то, что обычно называют любовью и что воспевается поэтами, - половая любовь с конечной целью полового совокупления.

Мы, однако, не отделяем всего того, что вообще в какой-либо мере связано с понятием любви, т. е., с одной стороны, - любовь к себе, с другой стороны, - любовь родителей, любовь детей, дружбу и общечеловеческую любовь, не отделяем и преданности конкретным предметам или абстрактным идеям. Наше оправдание в том, что психоанализ научил нас рассматривать все эти стремления как выражение одних и тех же побуждений первичных позывов, влекущих два пола к половому совокуплению, при иных обстоятельствах от сексуальной цели оттесняемых или на пути к ее достижению приостанавливаемых, в конечном же итоге, всегда сохраняющих свою первоначальную природу, в степени, достаточной для того, чтобы обнаруживать свое тождество (самопожертвование, стремление к сближению).

Мы, таким образом, думаем, что словом "любовь" в его многообразных применениях язык создал вполне оправданное сообщение и что мы с успехом можем применять это слово в наших научных обсуждениях и повествованиях. Принятием этого решения психоанализ вызвал бурю возмущения, как если бы он был повинен и кощунственным нововведением. А между тем, этим "расширенным" пониманием любви психоанализ не создал ничего оригинального. В своем происхождении, действии и отношении к половой любви "Эрос" Платона совершенно конгруэнтен нашему понятию любовной силы психоаналитического либи́до. В частности, это до казали Нахмансон и Пфистер, а когда, апостол Павел в знаменитом Послании к Коринфянам превыше всего прославляет любовь, он понимает ее, конечно, именно в этом "расширенном" смысле', из чего следует, что люди не всегда серьезно относятся к своим великим мыслителям, даже якобы весьма ими восхищаясь.

Эти первичные любовные позывы психоанализ *aposteriori* и с момента их возникновения называет первичными сексуальными позывами. Большинство "образованных" восприняло такое наименование как оскорбление и отомстило за это, бросив психоанализу упрек в "пансексуализме". Кто видит в сексуальном нечто по стыдное и унижительное для человеческой природы, волен, конечно, пользоваться более аристократические выражениями - эрос и эротика. Я бы и сам с самой начала мог так поступить, избегнув, таким образом множества упреков. Но я не хотел этого, так как я по мере возможности, избегаю робости. Никогда не известно, куда таким образом попадешь. Сначала ус тупишь на словах, а постепенно и по существу. Я не могу согласиться с тем, что стыд перед сексуальностью- заслуга; ведь греческое слово эрос, которому подобает смягчить предосудительность, есть не что иное, как перевод нашего слова любовь; и, наконец, тот, на кого работает время, может уступок не делать.

Итак, мы попытаемся начать с предпосылки, что любовные отношения (выражаясь безлично, - эмоциональные связи) представляют собой также и сущность массовой души. Вспомним, что авторы о таковых не говорят. То, что им бы соответствовало, очевидно скрыто за ширмой - перегородкой - внушения. Наши ожидания пока основываются на двух мимолетных мыслях. Во-первых, что масса, очевидно, объединяется некоей силой. Но какой же силе можно скорее всего приписать это действие, как не эросу, все в мире объединяющему? Во-вторых, когда отдельный индивид теряет свое своеобразие и позволяет другим на себя влиять, в массе создается впечатление, что он делает это, потому что в нем существует потребность быть скорее в согласии с другими, а не в противоборстве, т. е., может быть, все-таки "из любви" к ним.

V. ДВЕ ИСКУССТВЕННЫЕ МАССЫ: ЦЕРКОВЬ И ВОЙСКО

Припомним из морфологии масс, что можно наблюдать очень различные виды, а также противоположные направления в развитии масс. Есть очень текучие массы и в высшей степени постоянные; гомогенные, состоящие из однородных индивидов, и не гомогенные; естественные и искусственные, которым для сплоченности нужно также внешнее принуждение; примитивные и высоко организованные, с четкими подразделениями. По некоторым основаниям - понимание которых пока неясно - мы хотели бы особо отметить различие, на которое другие авторы обращали, пожалуй, слишком мало внимания; я имею в виду различие между массаами, где вождь отсутствует, и массаами, возглавляемыми вождями. В противоположность обыкновению, мы начнем наше исследование не с относительно простых, а с высоко организованных, постоянных, искусственных масс. Наиболее интересными примерами таких массовых образований являются церковь, объединение верующих, и армия, войско.

И церковь и войско представляют собой искусственные массы, т. е. такие, где необходимо известное внешнее принуждение, чтобы удержать их от распада и задержать изменения их структуры. Как правило, никого не спрашивают или никому не предоставляют выбора, хочет ли он быть членом такой массы или нет; попытка выхода обычно преследуется или строго наказывается, или же выход связан с совершенно определенными условиями. Нас в настоящий момент совсем не интересует, почему именно эти общественные образования нуждаются в такой особой охране. Нас привлекает лишь то, что в этих высокоорганизованных, тщательно защищенных от распада массах с большой отчетливостью выявляются известные взаимоотношения, которые гораздо менее ясны в других.

В церкви (мы с успехом можем взять для примера католическую церковь), как и в войске, - как бы различны они ни были в остальном - культивируется одно и то же обманное представление (иллюзия), а именно, что имеется верховный властитель (в католической церкви Христос, в войске - полководец), каждого отдельного члена массы любящий равной любовью. На этой иллюзии держится все; если ее отбросить, распадутся тотчас же, поскольку это допустило бы внешнее принуждение, как церковь, так и войско. Об этой равной любви Христос заявляет совершенно определенно: "Что сотворите единому из малых сих, сотворите Мне". К каждому члену этой верующей массы Он уносится как добрый старший брат, является для них заменой отца. Все требования, предъявляемые отдельным людям, являются выводом из этой любви Христовой. Церковь проникнута демократическим духом именно потому, что перед Христом все равны, все имеют равную часть Его любви. Не без глубокого основания подчеркивается сходство церкви с семьей, и верующие называют себя братьями во Христе, т. е. братьями по любви, которую питает к ним Христос. Нет никакого сомнения, что связь каждого члена церкви с Христом является одновременно и причиной связи между членами массы. Подобное относится и к войску; полководец - отец, одинаково любящий всех своих солдат, и поэтому они сотоварищи. В смысле структуры войско отличается от церкви тем, что состоит из ступенчатого построения масс. Каждый капитан в то же время и полководец и отец своей роты, каждый фельдфебель - своего взвода. Правда, и церковь выработала подобную иерархию, но она не играет в ней той же экономической роли, так как за Христом можно признать больше осведомленности и озабоченности об отдельном человеке, чем за полководцем-человеком. Против этого понимания либидинозной структуры армии нам, конечно, по праву возразят, что здесь не отводится места идеям отечества, национальной славы и другим, столь важным для спаянности армии. Мы отвечаем, что это иной, не столь простой случай объединения в массу, н, как показывают примеры великих военачальников - Цезаря, Валленштейна и Наполеона, - такие идеи для прочности армии не обязательны. О возможной замене вождя вдохновляющей идеей и соотношениях между обоими мы коротко скажем ниже. Пренебрежение к этому либидинозному фактору в ар-м"и, даже в том случае, если действительным является не он один, кажется нам не только теоретическим недостатком, но и практической опасностью. Прусский милитаризм, который был столь же непсихологичен, как и немецкая наука, может быть, убедился в этом в Великую Мировую Войну. Военные неврозы, разложившие германскую армию, признаны по

большей части выражением протеста отдельного человека против роли, которая отводилась ему в армии. Согласно сообщениям Э. Зиммеля, можно утверждать, что среди причин, вызывавших заболевания, наиболее частой было черствое обращение начальников с рядовым человеком из народа. При лучшей оценке этого требования либидо не столь легко заставили бы, очевидно, в себя поверить невероятные обещания четырнадцати пунктов, сделанные американским президентом, и великолепный инструмент не сломался бы в руках германских военных "искусников".

Отметим, что в этих двух искусственных массах каждый отдельный человек либидинозно связан, с одной стороны, с вождем (Христом, полководцем), а с другой стороны -- с другими массовыми индивидами. Каково взаимоотношение этих двух связей, однородны ли они и равноценны, и как их следовало бы описать психологически - будет делом дальнейшего исследования. Но мы осмеливаемся уже теперь слегка упрекнуть других авторов за недооценку значения вождя для психологии масс. Наш собственный выбор первого объекта исследования поставил нас в гораздо более выгодное положение. Нам кажется, что мы стоим на правильном пути, который может разъяснить главное явление массовой психологии - несвободу в массе отдельного человека. Если каждый отдельный индивид в такой широкой степени эмоционально связан в двух направлениях, то из этого условия нам нетрудно будет вывести наблюдаемое изменение и ограничение его личности.

Сущностью массы являются ее либидинозные связи, на это указывает и феномен паники, который лучше всего изучать на военных массах. Паника возникает, когда масса разлагается. Характеристика паники в том, что каждый и каждый печется о себе, с другими не считаясь. Взаимные связи прекратились, и безудержно вырывается на свободу гигантский бессмысленный страх. Конечно, и здесь легко возразить, что происходит как раз обратное: страх возрос до такой степени, что оказался сильнее всех связей и забот о других. Мак Дугалл даже приводит момент паники (правда, не военной) как образец подчеркнутого им повышения аффектов через заражение. Но здесь этот рациональный способ объяснения совершенно ошибочен. Ведь нужно объяснить, почему именно страх столь гигантски возрос. Нельзя взваливать вину на степень опасности, так как та же армия, теперь охваченная паникой, безукоризненно противостоит подобной и даже большей опасности; именно в этом и состоит сущность паники, что она непропорциональна грозящей опасности, часто вспыхивая по ничтожнейшему поводу. Если в момент панического страха отдельный индивид начинает петься только лишь о себе самом, то этим он доказывает, что аффективные связи, до этого для него опасность снижавшие, прекратились. Теперь, когда он с опасностью один на один, он, конечно, оценивает ее выше. Суть, следовательно, в том, что панический страх предполагает ослабление либидинозной структуры массы и вполне оправданно на это ослабление реагирует, а никак не наоборот, т. е., что будто бы либидинозные связи массы гибнут от страха перед опасностью. Эти замечания отнюдь не противоречат утверждению, что страх в массе возрастает до чудовищных размеров вследствие индукции (заражения). Точка зрения Мак Дугалла безусловно справедлива для случая, когда сама опасность реально велика и когда масса не связана сильными эмоциями. Как пример, можно привести пожар в театре или другом увеселительном месте. Для нас же важен приведенный пример, когда воинская часть охватывается паникой, а между тем опасность не больше привычной и до этого неоднократно этой же воинской частью стойко переносилась. Нельзя ожидать, что употребление слова "паника" установлено четко и ясно. Иногда так называют всякий массовый страх, а иногда страх отдельного человека, если этот страх переходит все пределы, а часто это название применяется в том случае, если вспышка страха поводом не оправдана. Если взять слово "паника" в смысле массового страха, можно установить широкую аналогию. Страх у индивида вызывается или размерами опасности или прекращением связей (либидинозной заряженности). Последнее есть случай невротического страха. Таким же образом паника возникает при усилении грозящей всем опасности или из-за прекращения объединяющих

массу эмоциональных связей, и этот последний случай аналогичен невротическому страху (ср. глубокоую по мысли но несколько фантастическую статью Бэла фон Фел сьедь).

Если согласиться с Мак Дугаллом, считающим панику одним из самых четких результатов "group mind", приходишь к парадоксу, что эта массовая душа в одном из самых разительных своих проявлений самое себя уничтожает. Не может быть сомнения, что паника означает разложение массы. Следствием же является прекращение всякого учета чужих интересов, обычно делающегося отдельными членами массы по отношению друг к другу.

Типичный повод для взрыва паники приблизительно таков, как его описывает Нестрой в пародии на драму Геббеля "Юдифь и Олоферн". Воин кричит. "Полководец лишился головы!", и сразу все ассирийцы обращаются в бегство. Потеря, в каком-то смысле, полководца, психоз по случаю потери порождает панику, причем опасность остается тон же; если порывается связь с вождем, то, как правило, порываются и взаимные связи между массовыми индивидами. Масса рассыпается, как рассыпается при опыте Болонская склянка, у которой отломали верхушку.

Не так легко наблюдать разложение религиозной массы. Недавно мне попался английский роман, написанный католиком и рекомендованный мне лондонским епископом. Возможность такого разложения и его последствия описываются весьма искусно и, на мой взгляд, правдиво. Перенос нас в далекое прошлое, роман повествует, как заговорщикам, врагам имени Христова и христианской веры, удастся якобы обнаружить в Иерусалиме гробницу со словами Иосифа Аримафейского, сознающего, что из благоговейных побуждений на третий день после погребения он тайно извлек тело Христа из гроба и похоронил именно здесь. Этим раз навсегда покончено с верой в Воскресение Христа и Его божественную природу, а влечет это археологическое открытие за собой потрясение всей европейской культуры и чрезвычайное возрастание всякого рода насилий и преступлений, что проходит лишь с раскрытием заговора фальсификаторов.

При этом предполагаемом разложении религиозной массы обнаруживается не страх, для которого нет повода, а жестокие и враждебные импульсы к другим людям, что раньше не могло проявляться, благодаря равной ко всем любви Христа'. Однако вне этой связи взаимной любви и во времена Царства Христова стоят те индивиды, которые не принадлежат к общине верующих, которые Христа не любят и Им не любимы; поэтому религия, хотя она и называет себя религией любви, должна быть жестокой и черствой к тем, кто к ней не принадлежит. В сущности, ведь каждая религия является такой религией любви по отношению ко всем, к ней принадлежащим, и каждая религия склонна быть жестокой и нетерпимой к тем, кто к ней не принадлежит. Не нужно, как бы трудно это ни было в личном плане, слишком сильно упрекать за это верующих, в данном случае психологически гораздо легче приходится неверующим и равнодушным. Если и наше время за нетерпимость и не проявляется столь насильственно и жестоко, как в минувших столетиях, то все же едва ли можно увидеть в этом смягчение человеческих нравов. Скорее всего следует искать причину этого в неопровержимом ослаблении религиозных чувств и зависящих от них либидиозных связей. Если вместо религиозной появится какая-либо иная связь, объединяющая массу, как это сейчас, по-видимому, удастся социализму, в результате возникнет та же нетерпимость к вносящим, как и во времена религиозных войн, и если бы разногласия научных воззрений могли когда-нибудь приобрести для масс подобное же значение, и такая мотивировка увенчалась бы тем же результатом.

VI. ДАЛЬНЕЙШИЕ ЗАДАЧИ И НАПРАВЛЕНИЯ РАБОТЫ

До сих пор мы исследовали две искусственные массы и нашли, что в них действует два вида эмоциональных связей, из которых первая - связь с вождем - играет, по крайней мере, для этих масс, более определяющую роль, чем вторая - связь массовых индивидов между собой.

В морфологии масс есть еще мною вопросов, которые следовало бы исследовать и описать. Можно было бы исходить из факта, что простая человеческая толпа еще не есть масса, пока в ней не установились вышеуказанные связи; однако нужно было бы признать, что в любой человеческой толпе очень легко возникает тенденция к образованию психологической массы. Нужно было бы обратить внимание на различные, спонтанно образующиеся, более или менее постоянные массы, и изучить условия их возникновения и распада. Больше всего нас заинтересовала бы разница между массами, имеющими вождя, и массами, где вождь отсутствует или являются ли те массы, где имеется вождь, более первоначальными и более совершенными? В массах второго рода не может ли вождь быть заменен абстрактной идеей, к чему ведь религиозные массы с их невидимым вождем уже и являются переходом, и может ли общая тенденция, желание, объединяющее множество людей быть заменой его же самого? Это абстрактное начало, опять-таки, более или менее совершенно могло бы воплотиться в лице, так сказать, вторичного вождя, и из взаимоотношения между вождем и идеей вытекали бы разные образные и интересные моменты. Вождь или ведущая идея могли бы стать, так сказать, негативными; ненависть к определенному лицу или учреждению могла бы подействовать столь же объединяюще и вызвать похожие эмоциональные связи, как и позитивная привязанность. Тогда возник бы и вопрос, действительно ли так необходим вождь для сущности массы, и многое другое. Но все эти вопросы, которые частично могут обсуждаться и в литературе о массовой психологии, не смогут отвлечь нашего внимания от основных психологических проблем, которые даны нам в структуре массы. Нас прежде всего увлекает одно соображение, которое обещает нам доказать кратчайшим путем, что именно либидиозные связи характеризуют массу.

Мы стараемся уяснить себе, каково в общем отношение людей друг к другу в аффективной сфере.

Согласно знаменитому сравнению Шопенгауэра о мерзнущих дикобразах, ни один человек не переносит слишком интимного приближения другого человека'. Согласно свидетельству психоанализа, почти каждая продолжительная интимная эмоциональная связь между двумя людьми - как то - брачные отношения, дружба, отношения между родителями и детьми, содержит осадок отвергающих враждебных чувств, которые не доходят до сознания лишь вследствие вытеснения. Это более неприкрыто в случаях, где компаньон не в ладах с другими компаньонами, где каждый подчиненный ворчит на своего начальника. То же самое происходит, когда люди объединяются в большие единицы. Каждый раз, когда две семьи рождаются через брак, каждая из них, за счет другой, считает себя лучшей или более аристократической. Каждый из двух соседних городов становится недоброжелательным соперником другого' каждый кантончик смотрит с пренебрежением, свысока на другой. Родственные, близкие между собой народные ветви отталкиваются друг от друга - южный немец не выносит северянина, англичанин клеветает на шотландца, испанец презирает португальца. То, что при больших различиях возникает трудно преодолимая антипатия - галла к германцу, арийца к семиту, белого к цветному, - нас перестало удивлять.

Когда вражда направляется против любимых лиц, мы называем это амбивалентностью чувств, и конечно, слишком рационалистически объясняем ее многочисленными поводами к конфликтам интересов, которые создаются именно при столь интимных отношениях. В неприкрыто проявляющихся отталкиваниях и антипатиях к близким мы узнаем выражение себялюбия, нарциссизма, добывающегося своей самостоятельности и ведущего себя так, будто случай отклонения от его индивидуальных форм уже есть критика последних и включает вызов их преобразовать. Почему столь велика чувствительность именно к этим подробностям дифференциации, мы не знаем; несомненно, однако, что в этом поведении людей проявляется готовность к ненависти, агрессивность, происхождение которой неизвестно и которой хотелось бы приписать примитивный характер".

Вся эта нетерпимость, однако, исчезает, кратковременно или на долгий срок, при образовании массы и в массе. Пока продолжается соединение в массу и до пределов его действия, индивиды ведут себя, как однородные, терпят своеобразие другого, равняются и не испытывают к нему чувства отталкивания. Согласно нашим теоретическим воззрениям, такое ограничение нарциссизма может быть порождено только одним моментом, а именно, либидинозной связью с другими людьми. Себялюбие находит преграду лишь в чужелюбии, в любви к объектам. Тотчас же будет поставлен вопрос, не должна ли общность интересов, сама по себе, и без всякого либидинозного вклада, привести к проявлению терпимости к другому и к вниманию к его интересам. На это выражение мы отвечаем, что таким путем осуществленное ограничение нарциссизма все-таки не длительно, так как эта терпимость будет продолжаться не дольше, чем продолжается непосредственная выгода от сотрудничества с другим. Практическая ценность этого спорного вопроса, однако, меньше, чем можно было бы ожидать, так как опыт показал, что в случае сотрудничества между товарищами обычно устанавливаются либидинозные связи, которые определяют и продолжают отношения товарищей далеко за пределами выгоды. В социальных отношениях людей происходит то же самое: психоаналитическое исследование вскрыло это в ходе развития индивидуального либидо. Либидо опирается на удовлетворение основных жизненных потребностей и избирает их участников своими первыми объектами. И как у отдельного человека, так и в развитии всего человечества, только любовь, как культурный фактор, действовала в смысле поворота от эгоизма к альтруизму. Это касается не только половой любви к женщине, со всеми из нее вытекающими необходимостями беречь то, что женщина любит, но и десексуализированной, сублимированной гомосексуальной любви к другому мужчине, любви, гвячанной с общей работой.

Если, таким образом, в массе появляются ограничения нарцисстического себялюбия, которые вне ее не действуют, то это убедительное указание на то, что сущность массообразования заключается в нового рода либидинозных связях членов массы друг с другом. .

Но наша любознательность сразу задаст вопрос, каковы же эти связи в массе. В психологическом учении о невротизме мы до сих пор занимались почти исключительно такой связью любовных первичных позывов с их объектом, которые преследовали еще прямые сексуальные цели. Такие сексуальные цели в массе, очевидно, не существуют. Мы имеем здесь дело с любовными первичными позывами, которые, не теряя вследствие этого своей энергии, все же отклонились от своей непосредственной цели. Ведь уже в рамках обычной сексуальной занятости объектом мы заметили явления, которые соответствуют отклонению инстинкта от его сексуальной цели. Мы описали их как степени влюбленности и признали, что они ведут за собой известное ущербление "Я". На этих явлениях влюбленности мы остановимся теперь более подробно, имея основания ожидать, что мы обнаружим у них обстоятельства, которые могут быть перенесены на связи в массах. Но, кроме того, мы хотели бы знать, является ли этот вид занятости объектом, знакомым нам из половой жизни, единственным видом эмоциональной связи с другим человеком, или же мы должны принять во внимание еще другие такие механизмы. Из психоанализа мы действительно узнаем, что есть еще другие механизмы эмоциональной связи, так называемые идентификации (отождествления), недостаточно известные, трудно поддающиеся описанию процессы, исследование которых удержит нас на некоторое время от темы массовой психологии.

VII. ИДЕНТИФИКАЦИЯ

Идентификация известна психоанализу как самое раннее проявление эмоциональной связи с другим лицом. Она играет определенную роль в предыстории Эдипова комплекса. Малолетний мальчик проявляет особенный интерес к своему отцу. Он хочет сделаться таким и быть таким, как отец, хочет решительно во всем быть на его месте. Можно спокойно сказать: он делает отца своим идеалом. Его поведение не имеет ничего общего с пассивной или женственной

установкой по отношению к отцу (и к мужчине вообще), оно, напротив, исключительно мужественное. Оно прекрасно согласуется с Эдиповым комплексом, подготовке которого и содействует.

Одновременно с этой идентификацией с отцом, может быть, даже и до того, мальчик начинает относиться к матери как к объекту опорного типа. Итак, у него две психологически различные связи - с матерью - чисто сексуальная захваченность объектом, с отцом - идентификация по типу уподобления. Обе связи некоторое время сосуществуют, не влияя друг на друга и не мешая друг другу. Вследствие непрерывно продолжающейся унификации психической жизни они наконец встречаются, и, как следствие этого сочетания, возникает нормальный Эдипов комплекс. Малыш замечает, что дороге к матери ему преграждает отец; его идентификация с отцом принимает теперь враждебную окраску и делается идентичной с желанием заменить отца и у матери. Ведь идентификация изначально амбивалентна, она может стать выражением нежности так же легко, как и желанием устранения. Она подобна отпрыску первой оральной фазы либидинозной организации, когда соединение с желанным и ценным объектом осуществлялось его съедением и когда при этом этот объект, как таковой, уничтожался. Людоед, как известно, сохранил ЭТУ точку зрения: своих врагов он любит так, что "съесть хочется", и он не съедает тех, кого, по какой-либо причине, не может полюбить.

Судьба этой идентификации с отцом позднее легко ускользает от наблюдения. Возможно, что в Эдиповом комплексе совершается обратный поворот, что отец при женственной установке принимается за объект, от которого ждут удовлетворения непосредственные сексуальные первичные позывы, и тогда идентификация с отцом предшествует объектной связи с отцом. Так же - с соответствующими заменами - обстоит дело и в случае малолетней дочери. Легко формулировать разницу между такой идентификацией с отцом и объектным избранием отца. В первом случае отец есть то, чем хотят быть, во-втором - то, чем хотят обладать. Разница, следовательно, в том, задевает ли эта связь субъект или объект человеческого "Я". Поэтому первая связь возможна) еще до всякого сексуального выбора объекта. Гораздо труднее наглядно изложить это различие метапсихически. Достоверно лишь то, что идентификация стремится сформировать собственное "Я" по подобию другого, взятого за "образец". Из более сложной ситуации мы выделяем идентификацию при невротическом образовании симптомов. Предположим, что маленькая девочка, которую мы теперь возьмем как пример, испытывает тот же симптом - болезни, как и ее мать, например, тот же мучительный кашель. Это может происходить различно. Либо идентификация та же, из Эдипова комплекса, т. е. означав враждебное желание занять место матери, и симптом выражает объектную любовь к отцу; симптом реализуем замену матери под влиянием чувства виновности: ты хотела быть матерью, так теперь ты стала ею, по крайней мере, в страдании. В таком случае, это законченный механизм истерического симптомообразования, либо симптом, равный симптому любимого лица (как например, Дора имитировала кашель отца); тогда мы можем описать происходящее только таким образом, что идентификация заняла место объектного выбора, объектный выбор регрессировал до идентификации. Мы слышали, что идентификация является самой ранней и самой первоначальной формой эмоциональной связи; в условиях образования симптомов, т. е. вытеснения и господства механизмов бессознательного, часто случается, что объектный выбор снова становится индентификацией, т. е. "Я" перенимает качества объекта. Примечательно, что при этих идентификациях "Я" иногда копирует нелюбимое лицо. а иногда любимое. Достоинно внимания и то, что в обоих случаях идентификация лишь частичная, крайне ограниченная, и копируется только одна-единственная черта объектного лица.

Третьим, особенно частым и важным фактом симптомообразования является то, что идентификация совершенно лишена объектного отношения к копируемому лицу. Если, например, девушка в пансионе получает от тайного возлюбленного письмо, вызывающее ее ревность, и она реагирует на него истерическим припадком, то с несколькими из ее подруг,

которые знают о письме. тоже случится этот припадок, как следствие, как мы говорим, психической инфекции. Это - механизм идентификации. на почве желаний или возможности переместить себя в данное положение. Другие тоже хотели бы иметь тайную любовную связь и под влиянием сознания виновности соглашаются и на связанное с этим страдание. Было бы неправильно утверждать, что они усваивают симптом из сочувствия. Сочувствие, наоборот, возникает только из идентификации, и доказательством этого является то, что такая инфекция или имитация имеет место и в тех случаях, когда можно предположить еще меньшую предшествующую симпатию, чем обычно бывает у подруг в пансионе. Одно "Я" осознало в одном пункте значительную аналогию с другим "Я", - в нашем примере одинаковую готовность к эмоции; затем в этом пункте возникает идентификация и под влиянием патогенной ситуации, эта идентификация перемещается на симптом, порожденный первым "Я". Таким образом, идентификация через симптом делается для обоих "Я" признаком взаимного перекрытия какой-то части их личности, которое должно оставаться вытесненным.

Сведения, полученные нами из этих трех источников, мы можем резюмировать следующим образом: во-первых, что идентификация представляет собой самую первоначальную форму эмоциональной связи с объектом, во-вторых, что регрессивным путем, как бы интроекцией объекта в "Я", она становится заменой либидинозной объектной связи, и, в-третьих, что она может возникнуть при каждой вновь замеченной общности с лицом, не являющимся объектом сексуальных первичных позывов. Чем значительнее эта общность, тем успешнее может стать эта частичная идентификация и соответствовать, таким образом, началу новой связи.

Мы предчувствуем, что взаимная связь массовых индивидов уже по самой природе такой идентификации является важной аффективной общностью, и можем предполагать, что эта общность заключается в характере связи с вождем. Другое предположение может подсказать нам, что мы далеко не исчерпали проблему идентификации, что мы стоим перед процессом, который психология называет "вживанием", и который играет первостепенную роль для нашего понимания чужеродности "Я" других людей. Но здесь мы ограничимся ближайшими аффективными воздействиями идентификации и оставим пока в стороне ее значение для нашей интеллектуальной жизни.

Психоаналитическое исследование иногда занималось и более трудными проблемами психозов и смогло обнаружить идентификацию и в некоторых других случаях, которые не сразу доступны нашему пониманию. Я подробно изложу два этих случая как материал для наших дальнейших рассуждений.

Генезис мужской гомосексуальности в целом ряде случаев следующий: молодой человек необыкновенно долго и интенсивно, в духе Эдипова комплекса, сосредоточен на своей матери. Но, наконец, по завершении полового созревания все же настает время заменить мать другим сексуальным объектом. И тут происходит внезапный поворот: юноша не покидает мать, но идентифицирует себя с ней, он в нее превращается и ищет теперь объекты, которые могут заменить ему его собственное "Я", которых он может любить и лелеять так, как его самого любила и лелеяла мать. Этот часто наблюдающийся процесс может быть подтвержден любым количеством случаев; он, конечно, совершенно независим от всяких предположений, которые делаются относительно движущей силы и мотивов этого внезапного превращения. Примечательна в этой идентификации ее обширность, она меняет "Я" в чрезвычайно важной области - а именно в сексуальном характере - по образцу прежнего объекта. При этом сам объект покидается, покидается ли он совсем или только в том смысле, что он остается в бессознательном, не подлежит здесь дискуссии. Идентификация с потерянным или покинутым объектом, для замены последнего, интроекция этого объекта в "Я", для нас, конечно, не является новостью. Такой процесс можно непосредственно наблюдать на маленьком ребенке. Недавно в Международном психоаналитическом журнале было опубликовано такое наблюдение. Ребенок,

горевавший о потере котенка, без всяких обиняков заявил, что сам он теперь котенок, и стал поэтому ползать на четвереньках, не хотел есть за столом и т. д.

Другой пример такой интроекции объекта дал нам анализ меланхолии, аффекта, считающего ведь реальную или аффективную потерю любимого объекта одной из самых важных причин своего появления. Основной характер этих случаев заключается в жестоком унижении собственного "Я", в связи с беспощадной самокритикой и горькими упреками самому себе. Анализы показали, что эта оценка и эти упреки в сущности имеют своей целью объект и представляют собой лишь отмщение "Я" объекту. Тень объекта отброшена на "Я". сказал я однажды. Интроекция объекта здесь чрезвычайно ясна.

Эти меланхолии, однако, выявляют и нечто другое, что может оказаться важным для наших дальнейших рассуждений. Они показывают нам "Я" в разделении, в расщепленности на две части, из которых каждая неистовствует против другой. Эта другая часть есть часть, измененная интроекцией, заключающая в себе потерянный объект. Но знакома нам и часть, так жестоко себя проявляющая. Она включает совесть, критическую инстанцию, которая и в нормальные времена критически подходила к "Я", но никогда не проявляла себя так беспощадно и так несправедливо. Мы уже в предшествующих случаях должны были сделать предположение (нарциссизм, печаль и меланхолия), что в нашем "Я" развивается инстанция, которая может отделиться от другого "Я" и вступить с ним в конфликт. Мы назвали ее "Идеалом Я" и приписали ей функции самонаблюдения, моральной совести, цензуры сновидений и основное влияние при вытеснении. Мы сказали, что она представляет собой наследие первоначального нарциссизма, в котором детское "Я" удовлетворяло само себя. Из влияний окружающего эта инстанция постепенно воспринимает требования, которые предъявляются к "Я" и которые оно не всегда может удовлетворить; но когда человек не может быть доволен своим "Я", он все же находит удовлетворение в "Идеале Я", которое дифференцировалось из "Я". В мании выслеживания, как мы далее установили, явно обнаруживается распад этой инстанции, и при этом открывается ее происхождение от влияний авторитетов - родителей прежде всего. Мы, однако, не забыли отметить, что мера удаления "Идеала Я" от "Я" актуального очень варьируется для отдельных индивидов и что у многих людей эта дифференциация внутри "Я" не больше дифференциацию у ребенка. Однако прежде чем мы сможем использовать этот материал для понимания либидинозной организации массы, мы должны принять во внимание некоторые другие взаимоотношения между объектом и "Я"

VIII. ВЛЮБЛЕННОСТЬ И ГИПНОЗ

Язык даже в своих капризах верен какой-то истине. Правда, он называет "любовью" очень разнообразные эмоциональные отношения, которые и мы теоретически сводим к слову любовь, но далее он все же сомневается, настоящая ли, действительная, истинная ли эта любовь, и указывает внутри этих любовных феноменов на целую шкалу возможностей. Нам тоже нетрудно найти ее путем наблюдения.

В целом ряде случаев влюбленность есть не что иное, как психическая захваченность объектом, диктуемая сексуальными первичными позывами в целях прямого сексуального удовлетворения и с достижением этой цели и угасающая; это то, что называют измененной, чувственной любовью. Но, как известно, либидинозная ситуация редко остается столь несложной. Уверенность в новом пробуждении только что угасшей потребности была, вероятно, ближайшим мотивом, почему захваченность сексуальным объектом оказывалась длительной и его "любили" и в те промежутки времени, когда влечение отсутствовало.

Из весьма примечательной истории развития человеческой любовной жизни к этому надо добавить второй момент. В первой фазе жизни, обычно уже заканчивающейся к пяти годам,

ребенок в одном из родителей нашел первый любовный объект, на котором соединились все его искавшие удовлетворения сексуальные первичные позывы. Наступившее затем вытеснение имело следствием вынужденный отказ от большинства этих детских сексуальных целей и оставило глубокое видоизменение отношений к родителям. Ребенок и дальше остается привязанным к родителям первичными позывами, которые надо назвать "целепрегражденными". Чувства, которые он с этих пор питает к этим любимым лицам, носят название "нежных". Известно, что в бессознательном эти прежние чувственные стремления сохраняются более или менее сильно, так что первоначальная полнокровность в известном смысле остается и дальше.

С возмужалостью появляются, как известно, новые, весьма интенсивные стремления, направленные на прямые сексуальные цели. В неблагоприятных случаях они, как чувственное течение, отделены от продолжающихся "нежных" эмоциональных направлений. Тогда мы имеем картину, оба аспекта которой так охотно идеализируются известными литературными течениями. Мужчина обнаруживает романтическое влечение к высокочтимым женщинам, которые, однако, не влекут его к любовному общению, и потенцию только с другими женщинами, которых он не "любит", не уважает и даже презирает. Но чаще подрастающему юноше все же удается известная мера синтеза между нечувственной, небесной, и чувственной, земной любовью и его отношение к сексуальному объекту отмечено совместным действием непрегражденных и целепрегражденных первичных позывов. Глубину влюбленности можно измерить по количеству целепрегражденных нежных инстинктов, сопоставляя их с простым чувственным вождением.

В рамках влюбленности нам прежде всего бросился в глаза феномен сексуального повышения оценки, тот факт, что любимый объект в известной мере освобождается от критики, что все его качества оцениваются выше, чем качества нелюбимых лиц, или чем в то время, когда это лицо еще не было любимым. Если чувственные стремления несколько вытесняются или подавляются, то появляется иллюзия, что за свои духовные достоинства объект любим и чувственно, а между тем, может быть, наоборот, только чувственное расположение наделило его этими достоинствами.

Стремление, которым суждение здесь фальсифицируется, - есть идеализация. Но этим самым нам облегчается и ориентировка, мы видим, что с объектом обращаются как с собственным "Я", что, значит, при влюбленности большая часть нарцисстического либидо перетекает на объект. В некоторых формах любовного выбора очевиден-даже факт, что объект служит заменой никогда не достигнутого собственного "Идеала Я". Его любят за совершенства, которых хотелось достигнуть в собственном "Я" и которые этим окольным путем хотят приобрести для удовлетворения собственного нарциссизма.

Если сексуальная переоценка и влюбленность продолжают повышаться, то расшифровка картины делается еще яснее. Стремления, требующие прямого сексуального удовлетворения, могут быть теперь совсем вытеснены, как то обычно случается, например, в мечтательной любви юноши, "Я" делается все нетребовательнее и скромнее, а объект все великолепнее и ценнее; в конце концов он делается частью общего себялюбия "Я", и самопожертвование этого "Я" представляется естественным следствием. Объект, так сказать, поглотил "Я". Черты смирения, ограничение нарциссизма, причинение себе вреда имеются во всех случаях влюбленности; в крайних случаях они лишь повышаются и, вследствие отступления чувственных притязаний, остаются единственными господствующими.

Это особенно часто бывает при несчастной, безнадежной любви, так как сексуальное удовлетворение ведь каждый раз заново снижает сексуальное превышение оценки. Одновременно с этой "самоотдачей" "Я" объекту, уже ничем не отличающейся от сублимированной самоотдачи абстрактной идее, функции "Идеала Я" совершенно

прекращаются. Молчит критика, которая про изводится этой инстанцией; все, что объект делает и требует - правильно и безупречно Совесть не применяется к тому, что делается в пользу объекта; в любовном ослеплении идешь на преступление, совершенно в этом не раскаиваясь. Всю ситуацию можно без остатка резюмировать в одной формуле: объект занял место "Идеала Я"

Теперь легко описать разницу между идентификацией и влюбленностью в ее высших выражениях, которые называют fascinaцией, влюбленной зависимостью. В первом случае "Я" обогатилось качествами объекта, оно, по выражению Ференчи, объект "интроцировало"-во втором случае оно обеднело, отдалось объекту, заменило объектом свою главнейшую составную часть. Однако при ближайшем рассмотрении скоро можно заметить, что такое утверждение указывает на противоположности, которые на самом деле не существуют. Психоэкономически дело не в обеднении или в обогащении - даже и крайнюю влюбленность можно описать как состояние, в котором "Я" якобы интроцировало в себя объект. Может быть, другое различие скорее раскроет нам суть явления. В случае идентификации объект утрачивается или от него отказываются; затем он снова воссоздается в "Я", причем "Я" частично изменяется по образцу утраченного объекта. В другом же случае объект сохранен, и имеет место "сверхзахваченность" но со стороны "Я" и за счет "Я". Но и это вызывает со мнение. Разве установлено, что идентификация имеет предпосылкой отказ от психической захваченности объектом, разве не может идентификация существовать при сохранении объекта? И прежде чем пуститься в обсуждение этого щекотливого вопроса, у нас уже может по явиться догадка, что сущность этого положения вещей содержится в другой альтернативе, а именно- не ста новится ли объект на место "Я" или "Идеала Я"

От влюбленности явно недалеко до гипноза. Соответствие обоих очевидно. То же смиренное подчинение, уступчивость, отсутствие критики как по отношению к гипнотизеру, так и по отношению к любимому объекту. Та же поглощенность собственной инициативы, нет со мнений, что гипнотизер занял место "Идеала Я". В гипнозе все отношения еще отчетливее и интенсивнее, так что целесообразнее пояснять влюбленность гипнозом, а не наоборот. Гипнотизер является единственным объектом; помимо него, никто другой не принимается во внимание. Тот факт, что "Я" как во сне переживает то, что гипнотизер требует и утверждает, напоминает нам о том, что, говоря о функциях "Идеала Я", мы упустили проверку реальности'. Неудивительно, что "Я" считает все приятие реальным, если психическая инстанция, заведующая проверкой реальности, высказывается в пользу этой реальности. Полное отсутствие стремлений с незаторможенными сексуальными целями еще более усиливает исключительную чистоту явлений. Гипнотическая связь есть неограниченная влюбленная самоотдача, исключая сексуальное удовлетворение, в то время как при влюбленности таковое отеснено лишь временно и остается на заднем плане как позднейшая целевая возможность

Однако, с другой стороны, мы можем сказать, что гипнотическая связь - если позволено так выразиться - представляет собой образование массы из двух лиц. Гипноз является плохим объектом для сравнения с образованием масс, так как он, скорее всего, с ним идентичен. Из сложной структуры массы он изолирует один элемент, - а именно, поведение массового индивида по отношению к вождю. Этим ограничением числа гипноз отличается от образования масс, а отсутствием прямых сексуальных стремлений-от влюбленности. Он, таким образом, занимает между ними среднее положение.

Интересно отметить, что именно заторможенные в целевом отношении сексуальные стремления устанавливают между людьми столь прочную связь. Но это легко объяснимо тем фактом, что они неспособны к полному удовлетворению, в то время как незаторможенные сексуальные стремления чрезвычайно ослабевают в каждом случае достижения сексуальной цели. Чувственная любовь приговорена к угасанию, если она удовлетворяется; чтобы

продолжаться, она с самого начала должна быть смешана с чисто нежными, т. е. заторможенными в целевом отношении компонентами, или же должна такую трансформацию претерпеть.

Гипноз прекрасно бы разрешил загадку либидинозной конституции массы, если бы сам он не содержал каких то черт, не поддающихся существующему рациональному объяснению, как якобы состояния влюбленности с исключением прямых сексуальных целей. Многие еще в нем следует признать непонятым, мистическим. Он содержит примесь парализованности, вытекающей из отношения могущественного к бессильному, беспомощному, что примерно приближается к гипнозу испугом у животных. Способ, которым гипноз достигается, и сопряженность гипноза со сном неясны, а загадочный отбор лиц, для гипноза годных, в то время как другие ему совершенно не поддаются, указывает на присутствие в нем еще одного неизвестного момента, который-то, может быть, и создает в гипнозе возможность чистоты либидинозных установок. Следует также отметить, что даже при полной суггестивной податливости моральная совесть загипнотизированного может проявлять сопротивление. Но это может происходить оттого, что при гипнозе в том виде, как он обычно производится, могло сохраниться знание того, что все это только игра, ложное воспроизведение иной, жизненно гораздо более важной ситуации.

Благодаря проведенному нами разбору мы, однако, вполне подготовлены к начертанию формулы либидинозной конституции массы. По крайней мере, такой массы. какую мы до сих пор рассматривали, т. е. имеющей вождя и не приобретшей секундарно, путем излишней "организованности", качеств индивида. Такая первичная масса есть какое-то число индивидов, сделавших своим "Идеалом Я" один и тот же объект и вследствие этого в своем "Я" между собой идентифицировавшихся. Это отношение может быть изображено графически следующим образом:

IX. СТАДНЫЙ ИНСТИНКТ

Наша радость по поводу иллюзорного разрешения, с помощью этой формулы, загадки массы - будет краткой. Очень скоро нас начнет тревожить мысль, что по существу-то мы приняли ссылку на загадку гипноза, в которой еще так много неразрешенного И вот новое возражение приоткрывает нам дальнейший путь.

Мы вправе сказать себе, что обширные аффективные связи, замеченные нами в массе, вполне достаточны, чтобы объяснить одно из ее свойств, а именно, отсутствие у индивида самостоятельности и инициативы, однородность его реакций с реакцией всех других, снижение его, так сказать, до уровня массового индивида. Но при рассмотрении массы как целого, она показывает нам больше: черты ослабления интеллектуальной деятельности, безудержность аффектов, неспособность к умеренности и отсрочке, склонность к переходу всех пределов в выражении чувств и к полному отводу эмоциональной энергии через действия - это и многое другое, что так ярко излагает Ле Бон, дает несомненную картину регресса психической деятельности к более ранней ступени, которую мы привыкли находить у дикарей или у детей. Такой регресс характерен особенно для сущности обыкновенных масс, в то время как у масс высокоорганизованных, искусственных такая регрессия может быть значительно задержана.

Итак, у нас создается впечатление состояния, где отдельное эмоциональное побуждение и личный интеллектуальный акт индивида слишком слабы, чтобы проявиться отдельно, и должны непременно дожидаться заверки подобным повторением со стороны других. Вспомним, сколько этих феноменов зависимости входит в нормальную конституцию человеческого общества, как мало в нем оригинальности и личного мужества, и насколько каждый отдельный индивид находится во власти установок массовой души, проявляющихся в расовых особенностях,

сословных предрассудках, общественном мнении и т. п. Загадка суггестивного влияния разрастается, если признать, что это влияние исходит не только от вождя, но также и от каждого индивида на каждого другого индивида, и мы упрекаем себя, что односторонне выделили отношение к вождю, незаслуженно отодвинув на задний план другой фактор взаимного внушения. Научаясь таким образом скромности, мы прислушаемся к другому голосу, обещающему нам объяснение на более простых основах. Я привожу это объяснение из умной книги В. Троттера о стадном инстинкте и сожалею лишь о том, что она не вполне избежала антипатии, явившейся результатом последней великой войны. Троттер ведет наблюдаемые у массы психические феномены от стадного инстинкта, который прирожден человеку так же, как и другим видам животных. Биологически эта стадность есть аналогия и как бы продолжение многоклеточности, а в духе теории либидо дальнейшее выражение склонности всех однородных живых существ к соединению во все более крупные единства.

Отдельный индивид чувствует себя незавершенным, если он один. Уже страх маленького ребенка есть проявление стадного инстинкта. Противоречие стаду равносильно отделению от него, и поэтому противоречия боязливо избегают. Но стадо отвергает все новое, непривычное. Стадный инстинкт - по Троттеру - нечто первичное, далее неразложимое.

Троттер указывает ряд первичных позывов (или инстинктов), которые он считает примарными: инстинкт самоутверждения, питания, половой и стадный инстинкт. Последний часто находится в оппозиции к другим инстинктам. Сознание виновности и чувство долга характерные качества *gregarious animal*. Из стадного инстинкта исходят, по мнению Троттера, также и вытесняющие силы, открытые психоанализом в "Я", и то сопротивление, на которое при психоаналитическом лечении наталкивается врач. Значение речи имело своей основой возможность применить ее в стаде в целях взаимопонимания, на ней в большой степени зиждется идентификация отдельных индивидов друг с другом.

В то время как Ле Бон описал • главным образом характерные текучие массообразования, а Мак Дугалл стабильные общественные образования, Троттер концентрировал свой интерес на самых распространенных объединениях, в которых живет человек, дал их психологическое обоснование. Троттеру не приходится искать происхождения стадного инстинкта, так как он определяет его как первичный и не поддающийся дальнейшему разложению. Его замечание, что Борис Сидис выводит стадный инстинкт из внушаемости, к счастью для него излишне. Это объяснение по известному неудовлетворительному шаблону; перестановка этого тезиса, т. е., что внушаемость - порождение стадного инстинкта, кажется мне гораздо более убедительным.

Однако Троггеру с еще большим правом, чем другим, можно возразить, что он мало считается с ролью вождя в массе; мы склонны к противоположному суждению а именно, что сущность массы без учета вождя недоступна пониманию. Для вождя стадный инстинкт вообще не оставляет никакого места, вождь только случайно привходит в массу, а с этим связано то, что от этого инстинкта нет пути к потребности в Боге; стаду недостает пастуха. Но теорию Троггера можно подорвать и психологически, т. е. можно по меньшей мере доказать вероятие-, что стадный инстинкт не неразложим, не примерен в том смысле, как примирен инстинкт самосохранения и половой инстинкт.

Нелегко, конечно, проследить онтогенез стадного инстинкта. Страх оставленного наедине маленького ребенка, толкуемый Троггером уже как проявление этого инстинкта, допускает скорее иное толкование. Страх обращен к матери, позже к другим доверенным лицам, и есть выражение неосуществившегося желания, с которым ребенку ничего другого сделать не остается, кроме как обратиться в страх. Страх одинокого маленького ребенка при виде любого другого человека "из стада" не утихает, а наоборот, с привхождением такого "чужого" как раз и возникает. У ребенка долгое время и незаметно никакого стадного инстинкта или массового

чувства. Таковое образуется вначале в детской, где много детей, из отношения детей к родителям, и притом как реакция на первоначальную зависть, с которой старший ребенок встречает младшего. Старшему ребенку хочется, конечно, младшего ревниво вытеснить, отдалить его от родителей и лишить всех прав; но, считаясь с фактом, что и этот ребенок, как и все последующие, в такой же степени любим родителями, и вследствие невозможности удержать свою враждебную установку без вреда самому себе, ребенок вынужден отождествлять себя с другими детьми, и в толпе детей образуется массовое чувство или чувство общности, получающее затем дальнейшее развитие в школе. Первое требование этой образующейся реакции есть требование справедливости, равного со всеми обращения. Известно, как явно и неподкупно это требование проявляется в школе. Если уж самому не бывать любимчиком, то пусть по крайней мере ни единому таковым не быть! Можно бы счесть такое превращение и замену ревности в детской и классной массовым чувством - неправдоподобным, если бы позднее этот же процесс не наблюдался снова при иных обстоятельствах. Вспомним только толпы восторженно влюбленных женщин и девушек, теснящихся, после его выступления, вокруг певца или пианиста. Каждая из них не прочь бы, конечно, приревновать -каждую другую, ввиду же их многочисленности и связанной с этим невозможностью овладеть предметом своей влюбленности, они от этого отказываются, и вместо того, чтобы вцепиться друг другу в волосы, они действуют, как единая масса, поклоняются герою сообща и были бы рады поделиться его локоном. Исконные соперницы, они смогли отождествлять себя друг с другом из одинаковой любви к одному и тому же объекту. Если ситуация инстинкта способна, как это обычно бывает, найти различные виды исхода, то не будет удивительным, если осуществится тот вид исхода, что связан с известной возможностью удовлетворения, в то время как другой, даже и более очевидный, не состоится, так как реальные условия достижения этой цели не допускают.

Что позднее проявляется в обществе, как корпоративный дух, и т. д., никак тем самым не отрицает происхождения его из первоначальной зависти. Никто не должен посягать на выдвижение, каждый должен быть равен другому и равно обладать имуществом. Социальная справедливость означает, что самому себе во многом отказываешь, чтобы и другим надо было себе в этом отказывать, или, что то же самое, они бы не могли предъявлять на это прав. Это требование равенства есть корень социальной совести и чувства долга. Неожиданным образом требование это обнаруживается у сифилитиков в их боязни инфекции, которую нам удалось понять с помощью психоанализа. Боязнь этих несчастных соответствует их бурному сопротивлению бессознательному желанию распространить свое заражение на других, так как почему же им одним надлежало заразиться и лишиться столь многого, а другим - нет? То же лежит и в основе прекрасной притчи о суде Соломоновом. Если у одной женщины умер ребенок, пусть и у другой не будет ребенка. По этому желанию познают потерпевшую. Социальное чувство основано на изменении первоначально враждебных чувств в связь положительного направления, носящую характер идентификации. Поскольку было возможно проследить этот процесс, изменение это осуществляется, по-видимому, под влиянием общей для всех нежной связи с лицом, стоящим вне массы. Наш анализ идентификации и нам самим не представляется исчерпывающим, но для нашего настоящего намерения достаточно вернуться к одной черте,-к настойчивому требованию уравнивания. При обсуждении обеих искусственных масс - церкви и войска - мы уже слышали об их предпосылке, чтобы все были одинаково любимы одним лицом - вождем. Но не забудем, требование равенства массы относится лишь к участникам массы, но не к вождю. Всем участникам массы нужно быть равными меж собой, но все они хотят власти над собою одного. Множество равных, кои могут друг с другом идентифицироваться, и один-единственный, их всех превосходящий - вот ситуация, осуществленная в жизнеспособной массе. Итак, высказывание Троттера: человек есть животное стадное, мы осмеливаемся исправить в том смысле, что он скорее животное орды, особь предводительствуемой главарем орды.

X. МАССА И ПЕРВОБЫТНАЯ ОРДА

В 1912 г. я принял предположение Ч. Дарвина, что первобытной формой человеческого общества была орда, в которой неограниченно господствовал сильный самец. Я попытался показать, что судьбы этой орды оставили в истории человеческой эволюции неизгладимые следы; и, в особенности, что развитие тотемизма, заключающего в себе зачатки религии, нравственности и социального расчленения, связано с насильственным умерщвлением возглавителя и превращением отцовской орды в братскую общину. Конечно, это только гипотеза, как и столь многие другие, с помощью которых исследователи доисторического периода пытаются осветить тьму первобытных времен, - "just so story", как остроумно назвал ее один отнюдь не недружелюбный английский критик - но я думаю, что такой гипотезе делает честь, если она оказывается пригодной вносить связанность и понимание во все новые области.

Человеческие массы опять-таки показывают нам знакомую картину одного всеильного среди толпы равных сотоварищей, картину, которая имеется и в нашем представлении о первобытной орде. Психология этой массы, как мы ее знаем из часто проводившихся описаний, а именно: исчезновение сознательной обособленной личности, ориентация мыслей и чувств в одинаковых с Другими направлениях, преобладание аффективности и бессознательной душевной сферы, склонность к немедленному выполнению - внезапных намерений - все это соответствует состоянию регресса к примитивной душевной деятельности, которая напрашивается для характеристики именно первобытной орды!

Масса кажется нам вновь ожившей первобытной ордой. Так же как в каждом отдельном индивидуе первобытный человек фактически сохранился, так и из любой человеческой толпы может снова возникнуть первобытная орда; поскольку массообразование обычно владеет умами людей, мы в нем узнаем продолжение первобытной орды. Мы должны сделать вывод, что психология массы является древнейшей психологией человечества; все, что мы, пренебрегая всеми остатками массы, изолировали как психологию индивидуальности, выдвинулось лишь позднее, постепенно и, так сказать, все еще только частично, из древней массовой психологии. Мы еще попытаемся установить исходную точку этого развития.

Дальнейшие размышления указывают нам, в каком пункте это утверждение нуждается в поправке. Индивидуальная психология, должно быть, по меньшей мере такой же давности, как и психология массовая, ибо с самого начала существовало две психологии: одна - психология массовых индивидов, другая - психология отца, возглавителя, вождя. Отдельные индивиды массы были так же связаны, как и сегодня, отец же первобытной орды был свободен. Его интеллектуальные акты были и в обособленности сильны и независимы, его воля не нуждалась в подтверждении волей других. Следовательно, мы полагаем, что его "Я" было в малой степени связано либидинозно, он не любил никого, кроме себя, а других лишь постольку, поскольку они служили его потребностям. Его "Я" не отдавало объектам никаких излишков.

На заре истории человечества он был тем сверхчеловеком, которого Ницше ожидал лишь от будущего. Еще и теперь массовые индивиды нуждаются в иллюзии, что все они равным и справедливым образом любимы вождем, сам же вождь никого любить не обязан, он имеет право быть господского нрава, абсолютно нарцисстическим, но уверенным в себе и самостоятельным. Мы знаем, что любовь ограничивает нарциссизм, и могли бы доказать, каким образом, благодаря этому своему воздействию, любовь стала культурным фактором.

Праотец орды еще не был бессмертным, каковым он позже стал через обожествление. Когда он умирал, его надлежало заменять; его место занимал, вероятно, один из младших сыновей, бывший до той поры массовым индивидом, как и всякий другой. Должна, следовательно, существовать возможность для превращения психологии массы в психологию индивидуальную, должно быть найдено условие, при котором это превращение совершается легко, как это возможно у пчел, в случае надобности выращивающих из личинки вместо рабочей пчелы

королеву. В таком случае можно себе представить лишь одно: праотец препятствовал удовлетворению прямых сексуальных потребностей своих сыновей; он принуждал их к воздержанию и, следовательно, к эмоциональным связям с ним и друг с другом, которые могли вырастать из стремлений с заторможенной сексуальной целью. Он, так сказать, вынуждал их к массовой психологии. Его сексуальная зависть и нетерпимость стали в конце концов причиной массовой психологии'. Тому, кто становился его наследником, давалась также возможность сексуального удовлетворения и выхода тем самым из условий массовой психологии Фиксация любви на женщине, возможность удовлетворения без отсрочки и накопления энергии положило конец значению целезаторможенных сексуальных стремлений и допускало нарастание нарциссизма всегда до одинакового уровня К этому взаимоотношению любви и формирования характера мы вернемся в дополнительной главе

Как нечто особо поучительное отметим еще то, как конституция первобытной орды относится к организации, посредством которой - не говоря о средствах принудительных - искусственная масса держится в руках На примере войска и церкви мы видели, что этим средством является иллюзия, будто вождь любит каждого равным и справедливым образом. Это-то и есть идеалистическая переработка условий первобытной орды, где все сыновья знали, что их одинаково преследует отец, и одинаково его боялись Уже следующая форма человеческого общества, тотемистический клан, имеет предпосылкой это преобразование, на котором построены все социальные обязанности Неистошима сила семьи, как естественного массообразования, основана на том, что эта необходимая предпосылка равной любви отца в ее случае действительно может быть оправдана

Но мы ожидаем еще большего от сведения массы к первобытной орде В массообразовании это должно нам также объяснить еще то непонятное, таинственное, что скрывается за загадочными словами гипноз и внушение. И мне думается, это возможно. Вспомним, что гипнозу присуще нечто прямо-таки жуткое; характер же этой жути указывает на что то старое, нам хорошо знакомое, что подверглось вытеснению Подумаем, как гипноз производится Гипнотизер утверждает, что обладает таинственной силой, похищающей собственную волю субъекта, или же, что то же самое, субъект гипнотизера таковым считает Эта таинственная сила в обиходе еще часто называемая животным магнетизмом, - наверное, та же, что у примитивных народов считается источником табу, та же, что исходит от королей и главарей и делает приближение к ним опасным. Гипнотизер якобы этой силой владеет, а как он ее выявляет? Требуя смотреть ему в глаза; он, что очень типично, гипнотизирует своим взглядом Но ведь как раз взгляд вождя для примитивного человека опасен и невыносим, как впоследствии взгляд божества для смертного Еще Моисей должен был выступить в качестве посредника между своим народом и Иеговой, ибо народ не мог бы выдержать лика Божьего, когда же Моисей возвращается после общения с Богом, лицо его сияет, часть "Мапа" перешла на него, как это и бывало у посредника примитивных народов

Гипноз, правда, можно вызывать и другими способами, что вводит в заблуждение и дало повод к неудовлетворительным физиологическим теориям; гипноз, например, может быть вызван фиксацией на блестящем предмете или монотонном шуме. В действительности же эти приемы служат лишь отвлечению и приковыванию сознательного внимания. Создается ситуация, в которой гипнотизер будто бы говорит данному лицу: "Теперь занимайтесь исключительно моей особой, остальной мир совершенно неинтересен". Было бы, конечно, технически нецелесообразно, если бы гипнотизер произносил такие речи; именно это вырвало бы субъекта из его бессознательной установки и вызвало бы его сознательное сопротивление Гипнотизер избегает направлять сознательное мышление субъекта на свои намерения; подопытное лицо погружается в деятельность, при которой мир должен казаться неинтересным, причем это лицо бессознательно концентрирует все свое внимание на гипнотизере, устанавливает с ним связь и готовность к перенесению внутренних процессов. Косвенные

методы гипнотизирования, подобно некоторым приемам шуток, направлены на то, чтобы задержать известные размещения психической энергии, которые помешали бы ходу бессознательного процесса, и приводят в конечном итоге к той же цели как и прямые влияния при помощи пристального взгляда и поглаживания'.

Ференчи правильно установил, что гипнотизер, давая приказание заснуть, что часто делается при вводе в гипноз, занимает место родителей. Он думает, что следует различать два вида гипноза - вкрадчиво успокаивающий - приписываемый им материнскому прототипу, или угрожающий, приписываемый прототипу отцовскому. Но ведь приказание заснуть означает в гипнозе не что иное, как отключение от всякого интереса к миру и сосредоточение на личности гипнотизера; так это субъектом и понимается, потому что в этом отвлечении интереса от окружающего мира заключается психологическая характеристика сна и на ней основана родственность сна с гипнотическим состоянием.

Гипнотизер, таким образом, применяя свои методы, будит у субъекта часть его архаического наследия, которое проявлялось и по отношению к родителям, в от ношении же отца снова индивидуально оживало: представление о сверхмогущественной и опасной личности, по отношению к которой можно было занять лишь пассивно-мазохистскую позицию, которой нужно было отдать свою волю и быть с которой наедине, "попас ться на глаза", казалось рискованным предприятием Только так мы и можем представить себе отношение отдельного человека первобытной орды к праотцу. Как нам известно из других реакций, отдельный человек сохранил в различной степени способность к оживлению столь давних положений. Однако сознание, что гипноз является всего лишь игрой, лживым обновлением тех древних впечатлений, может все же сохраниться и повлечь за собою сопротивление против слишком серьезных последствий гипнотической потери воли

Жуткий, принудительный характер маосообразования, проявляющийся в феноменах внушения, можно, значит, по праву объяснить его происхождением первобытной орды Вождь массы - все еще праотец, к которому все преисполнены страха, масса все еще хочет, чтобы ею управляла неограниченная власть страстно ищет авторитета; она, по выражению Ле Бона, жаждет подчинения Праотец - идеал массы, который вместо "Идеала Я" владеет человеческим "Я" Гипноз по праву может быть назван "массой из двух". внушение же можно только определить как убеждение, основанное не на восприятии и мыслительной работе, а на эротической связи'.

XI ОДНА СТУПЕНЬ В ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ "Я"

Если рассматривать жизнь отдельного человека нашего времени, пользуясь дополняющими друг друга описаниями массовой психологии, то ввиду множества осложнений можно потерять мужество и не решиться на обобщающее изложение. Каждый отдельный человек является составной частью многих масс, он с разных сторон связан идентификацией и создал свой "Идеал Я" по различнейшим образцам. Таким образом, отдельный человек участник многих массовых душ - своей расы, сословия, церковной общины, государственности и т. д, и сверх этого может подняться до частицы самостоятельности и оригинальности. Эти постоянные и прочные массовые формации со своим равномерно длящимся воздействием меньше бросаются в глаза, чем наскоро образовавшиеся текучие массы, на примере которых Ле Бон начертал блестящую психологическую характеристику массовой души, и в этих шумных, эфемерных массах, которые будто бы наслоились на первых, как раз происходит чудо: только что признанное нами, как индивидуальное развитие, бесследно, хотя и временно, исчезает.

Мы поняли это чудо так, что отдельный человек отказывается от своего "Идеала Я" и заменяет его массовым идеалом, воплощенным в вожде. Оговоримся, что это чудо не во всех

случаях одинаково велико. Отграничение "Я" от "Идеала Я" у многих индивидов не зашло слишком далеко, оба еще легко совпадают, "Я" часто еще сохраняет прежнее нарцисстическое самодовольство. Это обстоятельство весьма облегчает выбор вождя. Нередко ему всего лишь нужно обладать типичными качествами этих индивидов в особенно остром и чистом чекане и производить впечатление большей силы и либидинозной свободы, и сразу на это откликается потребность в сильном властелине и наделяет его сверхсилой, на которую он и не стал бы претендовать. Другие индивиды, идеал которых не воплотился бы в нем без дальнейших поправок, вовлекаются "внушением", т. е. путем идентификации.

То, что мы смогли добавить для объяснения либидинозой структуры массы, сводится, как мы видим, к различию между "Я" и "Идеалом Я" и возможному на этой почве двойному виду связи - идентификации и замещению "Идеала Я" объектом. Предположение такой ступени в "Я" в качестве первого шага к анализу "Я" должно постепенно подтвердить свою обоснованность в различнейших областях психологии. В моем труде "К введению нарциссизма" я объединил, в поддержку этого тезиса, прежде всего то, что можно было почерпнуть из патологического материала. Можно, однако, ожидать, что при дальнейшем углублении в психологию психозов его значение окажется еще большим. Подумаем о том, что "Я" становится теперь в положение объекта по отношению к развившемуся из него "Идеалу Я"; возможно, что все взаимодействия между внешним объектом и совокупным "Я", о которых мы узнали в учении о невротизме, снова повторяются на этой новой арене внутри человеческого "Я"

Здесь я прослежу лишь один из выводов, возможных, исходя из этой точки зрения, и продолжу пояснение проблемы, которую в другом месте должен был оставить неразрешенной.

Каждая из психических дифференцировок, с которыми мы ознакомились, представляет новую трудность для психической функции, повышает ее лабильность и может быть исходной точкой отказа функции, т. е. заболевания. Родившись, мы сделали шаг от абсолютного нарциссизма к восприятию изменчивого внешнего мира и к началу нахождения объекта; а с этим связано то, что мы длительно не выносим этого нового состояния, что мы периодически аннулируем его и во сне возвращаемся в прежнее состояние отсутствия раздражений и к избеганию объекта. Правда, при этом мы еле дуем сигналу внешнего мира, который своей периодической сменой дня и ночи временно ограждает нас от большей части действующих на нас раздражений. Второй пример, имеющий большое значение для патологии, не подчинен подобному ограничению. В процессе нашего развития мы производили разделение нашего душевного мира на связанное "Я" и на часть, оставленную вне его, бессознательно вытесненную; и мы знаем, что устойчивость этого достижения подвержена постоянным потрясениям. Во сне и при невротизме эта изгнанная часть снова ищет доступа, стуча у врат, охраняемая сопротивлениями, в состоянии же бодрствующего здоровья мы пользуемся особыми приемами, чтобы временно допустить в наше "Я", обходя сопротивления и наслаждаясь этим, то, что нами было вытеснено. В этом свете можно рассматривая острооты и юмор, отчасти и комическое вообще. Каждый знаток психологии невротизма припомнит похожие примеры меньшего значения, но я спешу перейти к входившему в мои намерения практическому применению.

Вполне представимо, что и разделение на "Я" и "Идеал Я" не может выноситься длительно и временами должно проходить обратный процесс. При всех отречениях и ограничениях, налагаемых на "Я", периодический прорыв запретов является правилом, как на это указывает установление праздников, которые ведь, по сути своей, не что иное, как предложенные законом эксцессы; это чувство освобождения придает им характер веселья. Сатурналии римлян и современный карнавал совпадают в этой существенной черте с празднествами примитивных народов, которые, обычно, завершаются всякого рода распутством при нарушении священнейших законов. Но "Идеал Я" охватывает сумму всех ограничений, которым должно

подчиняться "Я"; поэтому отмена идеала должна бы быть грандиозным празднеством для "Я", которое опять могло бы быть довольным самим собой'.

Если что-нибудь в "Я" совпадает с "Идеалом Я", всегда будет присутствовать ощущение триумфа. Чувство виновности (и чувство неполноценности) может также быть понято как выражение напряженности между "Я" и идеалом. Как известно, есть люди, у которых общая настроенность периодически колеблется; чрезмерная депрессия через известное среднее состояние переходит в повышенное самочувствие, и притом эти колебания проходят в очень различных больших амплитудах, от еле заметного до тех крайностей, которые в качестве меланхолии и мании в высшей степени мучительно и вредоносно нарушают жизнь таких людей. В типичных случаях этого циклического расстройства внешние причины, по-видимому, не имеют решающего значения; что касается внутренних мотивов, их мы находим не больше, и они не иные, чем у всех других. Поэтому образовалась привычка рассматривать эти случаи как не психогенные. О других, совершенно похожих случаях циклического расстройства, которые, однако, легко вывести из душевных травм, речь будет ниже.

Обоснование этих спонтанных колебаний настроения, следовательно, неизвестно; механизм, сменяющий меланхолию манией, нам непонятен. Это, наверное, как раз те больные, по отношению к которым могла бы оправдаться наша догадка, что их "Идеал Я" на время растворяется в "Я", после того, как до того он властвовал особенно сурово.

Во избежание неясностей запомним следующее: на основе нашего анализа "Я" достоверно выяснено, что в случаях мании "Я" и "Идеал Я" сливаются, так что в настроении триумфа и довольства собой, не нарушаемом самокритикой, данное лицо может наслаждаться устранением задержек, устранением учета чужих интересов и упреков самому себе. Менее очевидно, но довольно вероятно, что несчастье меланхолика есть выражение острого раскола между обеими инстанциями "Я", при котором чрезмерно чувствительный идеал беспощадно проявляет свое осуждение "Я" в виде самоунижения и мании неполноценности. Остается лишь вопрос, следует ли искать причину этих измененных отношений между "Я" и "Идеалом Я" в вышеустановленных периодических возмущениях против новой институции или же за это ответственны иные обстоятельства.

Переход к мании не является необходимой чертой в истории болезни меланхолической депрессии. Бывают простые, единичные, а также периодически повторяющиеся меланхолии, никогда такого исхода не имеющие. С другой стороны, существуют меланхолии, в которых повод, по-видимому, играет этиологическую роль. Таковы меланхолии после утраты любимого объекта, будь то вследствие его смерти или вследствие обстоятельств, вынудивших отступление либидо от объекта. Такая психогенная меланхолия так же может перейти в манию, и цикл этот может многократно повториться, как и при якобы спонтанной меланхолии. Итак, соотношения здесь довольно неясны, тем более, что до сих пор лишь немногие формы и случаи меланхолии подвергались психоаналитическому исследованию. Пока мы понимаем лишь те случаи, в которых от объекта отказались ввиду того, что он оказался недостойным любви. Путем идентификации он затем снова в "Я" утверждается и подвергается строгому суду со стороны "Идеала Я". Упреки и агрессии против объекта выявляются в виде меланхолических упреков самому себе'.

И при такой меланхолии возможен переход к мании; следовательно, эта возможность является чертой, не зависящей от остальных признаков картины болезни

Я не вижу затруднений для того, чтобы момент периодического возмущения "Я" против "Идеала Я" принять во внимание при обоих видах меланхолии, как психогенной, так и спонтанной. При спонтанной можно предположить, что "Идеал Я" склонен к особой суровости,

которая затем автоматически влечет за собой временное его упразднение. При психогенной меланхолии "Я" подстрекается к возмущению дурным обращением с ним его идеала, которому "Я" подвергается в случае идентификации с отвергнутым объектом.

ХII. ДОПОЛНЕНИЯ

В процессе исследования, временно заканчивающемся, нам открылись различные побочные пути, которых мы сначала избегали, но на которых мы нередко находили возможности распознавания: кое-что из упущенного мы теперь наверстываем.

А) Разница между идентификацией "Я" и заменой "Идеала Я" объектом находит интересное пояснение в двух больших искусственных массах, которые мы недавно изучали - в войске и христианской церкви.

Очевидно, что солдат своим идеалом делает своего начальника, т. е., собственно говоря, полководца, идентифицируясь одновременно с себе равными и выводя из этой общности "Я" обязательства товарищества - для взаимной помощи и распределения имущества. Но он становится смешон, когда хочет идентифицироваться с полководцем. Стрелок в лагере Валленштейна насмеяется по этому поводу над вахмистром:

И в покашливании, и в плевке

Удачно ему подражаете

Иначе обстоит дело в католической церкви. Каждый христианин любит Христа как свой идеал, и, кроме того, чувствует себя связанным идентификацией с другими христианами. Но церковь требует от него большего. Он, сверх того, должен идентифицироваться с Христом и любить других христиан так, как любил их Христос. Таким образом, церковь в обоих случаях требует восполнения либидинозной позиции, данной масообразованием. Идентификация должна присоединяться в случаях, где произошел выбор объекта; а объектная любовь - в случаях, где уже имеется идентификация. Это "большее" явно выходит за пределы конституции массы. Можно быть хорошим христианином и все-таки быть далеким от мысли поставить себя на место Христа, любить, подобно ему, всех людей. Необязательно ведь слабому смертному требовать от себя величия души и силы любви Спасителя. Но это дальнейшее развитие распределения либидо в массе является, вероятно, тем моментом, на котором Церковь основывает свои притязания на достижение высшей нравственности.

Б) Мы говорили о возможности указать в психическом развитии человечества тот момент, когда и для отдельного индивида состоялся прогресс от массовой психологии к психологии индивидуальной. Для этого мы должны снова коротко вернуться к научному мифу об отце первобытной орды. Позже он был возвеличен как творец мира и имел на это право, так как породил всех сыновей, которые образовали первую массу.

Для каждого из них он был идеалом, его одновременно боялись и почитали, что позднее создало понятие "табу". Как-то раз эта толпа объединилась, убила отца и растерзала. Никто из массовых победителей не мог занять его места, а если кто-либо и пытался, то борьба возобновлялась до тех пор, пока они не поняли, что все они должны от отцовского наследия отказаться. Тогда они основали тотемистическое братство, где все обладали равными правами и были связаны тотемистическими запретами, которые должны были сохранить память об убийстве и его искупить. Но недовольство достигнутым осталось и положило начало новому развитию события. Постепенно объединение в братство пришло к некоему восстановлению прежнего положения на новом уровне: мужчина снова стал главой семьи и сломил привилегию

женского господства, установившегося в безотцовские времена. В виде возмещения были, может быть, тогда признаны материнские божества; для ограждения матери их жрецы кастрировались, по примеру, который когда-то давался отцом первобытной орды; новая семья была, однако, лишь тенью прежней, отцов было много, и каждый из них был ограничен правами другого.

Страстная тоска, связанная с уроном, побудила тогда отдельного индивида отделиться от массы и мысленно восстановить себя в роли отца. Совершивший этот шаг был первым эпическим поэтом; он достиг этого в области фантазии. Поэт подменил действительность в соответствии со своей мечтой. Он" положил начало героическому мифу. Героем был убивший отца один на один, отца, который в мифе фигурирует еще в виде тотемистического чудовища. Как раньше отец был первым идеалом мальчика, так поэт теперь создал в герое, которому надлежит заменить отца, первый "Идеал Я". Звенем с новосозданным героем был, вероятно, младший сын, любимец матери, которого она оберегала от отцовской ревности, и который во времена первобытной орды стал преемником отца. В ложном опозитизировании, изображающем первобытное время, женщина, являвшаяся наградой за победу и соблазном к убийству, стала, вероятно, совратительницей и подстрекательницей к злодеянию.

Герой претендует на единоличное совершение поступка, на что отважилась бы, конечно, только орда в целом. Однако, по замечанию Ранка, сказка сохранила отчетливые следы скрытого истинного положения вещей... Ибо так часто случается, что герой, которому предстоит трудное задание, чаще всего это младший сын, который в присутствии суррогата отца притворяется дурачком, т. е. неопасным - может выполнить эту задачу только с помощью стайки маленьких зверьков (муравьев, пчел). Это - братья первобытной орды; ведь и в символике сновидений насекомые и паразиты означают сестер и братьев (из презрительного отношения, как к маленьким детям). Кроме того, каждое из заданий мифа и сказки легко распознать как замену героического поступка. Миф, таким образом, является тем шагом, при помощи которого отдельный индивид выходит из массовой психологии. Первым мифом, несомненно, был миф психологический, миф героический; пояснительный миф о природе возник, вероятно, много позже. Поэт, сделавший этот шаг и отделившийся таким образом в своей фантазии из массы, умеет, по дальнейшему замечанию Ранка, в реальной жизни все же к ней вернуться. Ведь он приходит и рассказывает этой массе подвиги созданного им героя. В сущности, этот герой не кто иной, как он сам. Тем самым он снижается до уровня реальности, а своих слушателей возвышает до уровня фантазии. Но слушатели понимают поэта: на почве того же самого тоскующе-завистливого отношения к праотцу они могут идентифицировать себя с героем. Лживость мифа завершается обожествлением героя. Обожествленный герой был, может быть, прежде Бога-отца, являясь предшественником возвращения праотца в качестве божества. Хронологически прогрессия божеств была бы тогда следующей: богиня материнства - герой - Бог-отец. Но лишь с возвышением незабвенного праотца божество приобрело черты, знакомые нам и поныне'.

В) В этой статье мы много говорили о прямых и заторможенных в отношении цели сексуальных первичных позывах и смеем надеяться, что это разграничение не вызовет больших возражений. Однако подробное рассмотрение будет не лишним, даже если оно большею частью повторяет уже заранее изложенное.

Либинозное развитие ребенка дало нам первый и, вместе с тем, лучший пример заторможенных в отношении цели сексуальных первичных позывов. Все те чувства, которые ребенок питает к своим родителям и опекающим его лицам, находят свое беспрепятственное продолжение в желаниях, выражающих его сексуальные стремления. Ребенок требует от этих любимых лиц всех нежностей, которые ему знакомы; он хочет их целовать, прикасаться к ним, разглядывать, хочет видеть их гениталии и присутствовать при интимных действиях эскрементации; он обещает жениться на матери или няне, что бы он под этим ни подразумевал;

он намеревается родить отцу ребенка и т. д. Прямое наблюдение, как и дальнейшее психоаналитическое проникновение в рудименты детства, не оставляют никакого сомнения в непосредственном слиянии нежных и ревнивых чувств с сексуальными намерениями, а также показывают нам, сколь основательно ребенок делает любимое лицо объектом всех своих еще неверно направленных сексуальных стремлений. (Ср.: Sexual-theorie).

Это первый вид детской любви, типически подчиненный Эдипову комплексу, с началом латентного периода уничтожается, как известно, толчком вытеснения. Остаток любовных чувств проявляется в чисто нежной эмоциональной связи, направленной на те же самые лица, но эта связь уже не может быть описана как "сексуальная". Психоанализ, который просвечивает глубины психической жизни, без труда может доказать, что и сексуальные связи первых детских лет продолжают существовать, но уже в вытесненном и бессознательном виде. На основе психоанализа мы имеем смелость утверждать, что везде, где мы встречаем нежное чувство, оно является преемником вполне "чувственной" объектной связи с данным лицом или же со взятым за его прототип (его Imago). Правда, без особого исследования нельзя установить, является ли это предшествующее полнокровное сексуальное-стремление в данном случае вытесненным или же оно уже себя истощило. Чтобы еще отчетливее выразить сказанное: установлено, что это сексуальное стремление еще имеется как форма и возможность, и путем регресса может быть снова заряжено, активировано; остается еще вопрос, на который не всегда можно ответить: какую заряженность и действенность оно еще имеет в настоящее время. При этом в равной степени надо остерегаться двух источников ошибок: как Сциллы - недооценки вытесненного бессознательного, так и Харибды - склонности измерять нормальное обязательно масштабами патологического. Психологии, которая не хочет или не в силах проникнуть в глубины вытесненного, нежные эмоциональные связи во всяком случае представляются выражением стремлений, не направленных к сексуальной цели, хотя бы они и произрастали из стремлений, эту цель имевших".

Мы вправе сказать, что эти стремления отклонились от этих сексуальных целей, хотя и трудно удовлетворить требованиям метапсихологии при изображении такого отклонения от цели. Впрочем, эти заторможенные в отношении цели первичные позывы все еще сохраняют некоторые из непосредственно сексуальных целей; и нежно любящий, и друг, и поклонник ищут телесной близости или возможности видеть любимого человека, любимого хотя бы только в "паулинистическом" смысле. Если нам желательно, мы можем признать в этом отклонении начало сублимации сексуальных первичных позывов или же раздвинуть границы последних еще более. Заторможенные в смысле цели сексуальные первичные позывы имеют перед незаторможенными большое функциональное преимущество, так как они, собственно говоря, неспособны к полному удовлетворению; они особенно пригодны для создания длительных связей, в то время как прямо сексуальные при удовлетворении" каждый раз теряют свою энергию и должны ждать ее возобновления путем нового накопления сексуального либидо, причем за это время может произойти смена объекта. Заторможенные первичные позывы способны к любой мере смешения с незаторможенными, могут опять в них превратиться так же, как они от них изошли. Известно, как легко из эмоциональных отношений дружеского характера, основанных на признании и восхищении, между учителем и ученицей, артистом и восхищенной слушательницей, особенно у женщин, возникают эротические желания (у Мольера: *Embrassez-moi pour l'amour du Grec*). Да, возникновение таких, "Враждебные чувства имеют несомненно более сложное построение сначала непреднамеренных,- эмоциональных связан напрямик приводит к проторенной дорожке сексуального выбора объекта. В своей статье Пфистер показал явный, конечно, не единичный пример, как легко даже интенсивной религиозной связи превратиться в пылкое сексуальное возбуждение. А, с другой стороны, и переход прямых, самих по себе непродолжительных, сексуальных стремлений в прочную, чисто нежную связь представляет собой нечто весьма обычное, и упрочение брака, заключенного по влюбленной страсти, имеет большею частью своей подосновой этот процесс. Мы, конечно, не

удивимся, если услышим, что заторможенные в отношении цели сексуальные стремления возникают из прямых сексуальных в тех случаях, когда к достижению сексуальной цели имеются внутренние или внешние препятствия. Вытеснение латентного периода есть такое внутреннее - или лучше сказать ставшее внутренним - препятствие. Относительно отца первобытной орды мы предположили, что своей сексуальной нетерпимостью он принуждает всех своих сыновей к воздержанию и этим путем толкает их к заторможенным в отношении цели связям; за собой он оставляет право свободного сексуального наслаждения и, тем самым, остается несвязанным. Все связи, на которых основана масса, имеют природу заторможенных в отношении цели первичных позывов. Но этим самым мы приблизились к разбору новой темы, которая обсуждает отношение прямых сексуальных целей к массообразованию.

Г) Последние два замечания уже подготовили нас к признанию, что прямые сексуальные стремления неблагоприятны для массообразования. Правда, и в истории развития семьи существовали массовые отношения сексуальной любви (групповой брак), но чем важнее становилась для "Я" половая любовь, чем больше развивалась в ней влюбленность, тем настоятельнее эта любовь требовала своего ограничения двумя лицами - *una cum uno* - ограничения, предписанного природой генитальной цели. Полигамические склонности были вынуждены довольствоваться последовательной сменой объектов.

Оба лица, сходящиеся в целях сексуального удовлетворения, ища уединения, демонстрируют против стадного инстинкта, против чувства массовости, они ищут одиночества. Чем больше они влюблены, тем менее они нуждаются в ком-либо, помимо друг друга. Отказ от влияния массы выражается в чувстве стыдливости. Крайне пылкое чувство ревности возникает как охрана сексуального выбора объекта от вторжения массовой связи. Только в том случае, когда нежный, т. е. личный, фактор любовного отношения совершенно ступшевывается перед чувственным, возможно любовное общение пары в присутствии других лиц или же, наподобие оргии, одновременные сексуальные акты внутри группы. Но это регресс, к более раннему состоянию половых отношений, при которых влюбленность еще не играла никакой роли и все сексуальные объекты рассматривались как равноценные. Примерно в духе злого выражения Бернарда Шоу, что быть влюбленным, значит неподобающим образом переоценивать разницу между одной женщиной и другой.

Имеется достаточно указаний, что в сексуальные отношения между мужчиной и женщиной влюбленность вошла лишь поздно, так что соперничество между половой любовью и массовыми связями также позднего развития. Теперь может показаться, что это предположение не вяжется с нашим мифом о прасемье; ведь предполагается, что толпу братьев толкает на отцеубийство их любовь к матерям и сестрам; и трудно представить себе эту любовь иначе, как цельной, примитивной, т. е., как глубокое соединение нежной и чувственной любви. Однако при дальнейшем размышлении это возражение становится подтверждением. Одной из реакций на отцеубийство было ведь установление тотемистической экзогамии, запрещение каких бы то ни было сексуальных отношений с женщинами семьи, которые были нежно любимы с детства. Этим был загнан клин между нежными и чувственными стремлениями мужчины, клин, и по сей день глубоко внедрившийся в любовную жизнь мужчины. Вследствие этой экзогамии чувственные потребности мужчин должны были довольствоваться чужими и нелюбимыми женщинами.

В больших искусственных массах - Церкви и войске - для женщин, как сексуального объекта, места нет. Любовные отношения мужчины и женщины находятся за пределами этих организаций. Даже там, где образуются массы смешанные, состоящие из мужчин и из женщин, половое различие не играет роли. Едва ли имеет смысл задавать вопрос о гомосексуальной или гетеросексуальной природе либидо, соединяющего массы, так, как оно не дифференцируется по

полу и, что особенно важно, совершенно не предусматривает целей генитальной организации либидо.

Для отдельного индивида, который в других отношениях растворяется в массе, прямые сексуальные стремления все же частично сохраняют какую-то индивидуальную деятельность. Там, где они делаются господствующими, они каждую массовую формацию разлагают. Католическая церковь имеет обоснованные причины, когда рекомендует своим верующим безбрачие и налагает целибат на своих священников; но влюбленность часто толкала и священников на выход из церкви. Подобным же образом любовь к женщине преодолевает массовые формации расы, национального обособления и социального классового порядка и этим самым выполняет культурно важные задачи. По-видимому, можно быть уверенным, что гомосексуальная любовь гораздо лучше согласуется с массовой связью даже и в тех случаях, когда она проявляется как прямое сексуальное стремление; факт - примечательный, объяснение которого завело бы нас очень далеко.

Психоаналитическое исследование психоневрозов учит нас, что их симптомы следует выводить из прямых сексуальных стремлений, которые были вытеснены, но остались активными. Мы можем усовершенствовать эту формулировку, добавив: или из таких заторможенных в смысле цели стремлений, подавление которых полностью не удалось или же освободило место для возврата к вытесненной сексуальной цели. С этим условием согласуется и то, что невроз делает больного асоциальным и удаляет его из обычных массовых формаций. Можно сказать, что невроз действует на массу так же разлагающе, как и влюбленность. Зато можно наблюдать, что там, где произошел толчок к образованию массы, неврозы слабеют и, по крайней мере на некоторое время, могут исчезнуть целиком. Вполне оправданы попытки использовать это противоборство между неврозом и массообразованием для терапевтических целей. Даже те, кто не сожалеет об исчезновении в современном культурном мире религиозных иллюзий, должны признать, что пока они были в силе, они служили наиболее эффективной защитой от опасности невроза тем, кто был во власти этих иллюзий. Нетрудно также распознать, что все связи с религиозно-мистическими или философско-мистическими сектами и объединениями являются выражением косвенного лечения разнообразных неврозов. Все это связано с контрастом прямых и заторможенных в смысле цели сексуальных стремлений.

Если невротик предоставлен самому себе, он вынужден заменять собственным симптомообразованием те большие массовые формации, из которых он исключен. Он создает себе свой собственный фантастический мир, свою религию, свою бредовую систему, повторяя таким образом человеческие институты в искажении, которое отчетливо указывает на ярчайшее участие прямых сексуальных стремлений.

Д) В заключение прибавим сравнительную оценку рассмотренных нами состояний с точки зрения теории либидо, а именно: состояния влюбленности, гипноза, массообразования и невроза: Влюбленность зиждется на одновременном наличии прямых и заторможенных в смысле цели сексуальных стремлений, причем объект перетягивает на себя часть нарцистического либидо "Я".

Влюбленность вмещает только "Я" и объект. Гипноз разделяет с влюбленностью ограничения этими двумя лицами, но он основан исключительно на заторможенных в смысле цели сексуальных стремлениях и ставит объект на место "Идеала Я".

В массе этот процесс умножен; масса совпадает с гипнозом в природе объединяющих ее первичных позывов и в замене "Идеала Я" объектом, но сюда присоединяется - идентификация с другими индивидами, ставшая первоначально возможной благодаря одинаковому отношению к объекту.

Оба состояния, как гипноз, так и маосообразование, являются наследственными осадениями филогенеза человеческого либидо - гипноз как предрасположение, а масса, помимо этого, как прямой пережиток. Замена прямых сексуальных стремлений стремлениями в отношении цели заторможенными способствует в обоих отделении "Я" от "Идеала Я", чему уже дало начало в состоянии влюбленности.

Невроз из этого ряда выступает. И он основан на особенности развития человеческого либидо - на прерванном латентным периодом двойном начатке прямой сексуальной функции В этом отношении он имеет общий с гипнозом и массообразованием характер регресса, при влюбленности не наличествующий. Невроз всегда возникает там, где не вполне удался переход от прямых к заторможенным в смысле цели сексуальные первичным позывам, соответствуя конфликту между поглощенными "Я" первичными позывами, которые через такое развитие прошли, и частицами тех же первичных позывов, что из вытесненной бессознательной сферы - так же, как и другие полностью вытесненные инстинктивные порывы - стремятся к своему прямому удовлетворению Невроз необычайно богат содержанием, ибо охватывает всевозможные отношения между "Я" и объектом, как те, где объект сохранен, так и другие, в которых он покинут или восстановлен в самом "Я", но точно так же и конфликтные отношения между "Я" и его "Идеалом Я".